

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Леонид МЛЕЧИН

ДЕМОНТАЖ ПАТРИАРХАТА,

ИЛИ
ЖЕНЩИНЫ
БЕРУТ ВЕРХ

Вспомнить всё

Леонид Млечин

**Демонтаж патриархата,
или Женщины берут
верх. Книга для мужчин**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 82-94
ББК 63.3

Млечин Л. М.

Демонтаж патриархата, или Женщины берут верх. Книга для мужчин / Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6040605-1-3

В жизни современного общества произошла перемена, которую мужчины проморгали. Роль, которую тысячелетиями играли мужчины, – с тех пор как они вышли из пещер охотиться на мамонтов, – постепенно переходит к женщинам. Женщины процветают и в жизни, и в политике, выходят министры и президенты. В своей новой книге Леонид Млечин интересно и увлекательно рассказывает о настоящей революции, которая совершается на наших глазах. Женщины вытесняют мужчин. А мужчины оказались к этому не готовы. Они чувствуют себя неуверенно, лишаясь привычного положения в обществе, в семье и в постели. Женщины больше не дадут мужчинам спуска. Эра патриархата завершилась. Для широкого круга читателей.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-6040605-1-3

© Млечин Л. М., 2018
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

От автора	5
Настоящая революция!	5
Обманул жену, обманешь и страну	9
Бьет – значит любит	17
Сопротивление сломлено	21
Часть первая	26
В главной роли и в тени	26
Мужчины на ее пути. Александра Коллонтай	27
Жена, подруга и соратник. Надежда Крупская	38
Горло бредит бритвою. Екатерина Фурцева	48
Почему ее невзлюбили? Раиса Горбачева	57
Часть вторая	67
Немки в эпоху кровавых соблазнов	67
Идеальная любовница. Ева Браун	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Леонид Млечин

Демонтаж патриархата, или Женщины берут верх

Книга для мужчин

От автора

Настоящая революция!

Исторически сложилось так, что мужчина мог сделать женщину счастливой, а мог лишить ее счастья. Женщина такой власти над мужчиной не имела. Кроме того, общество по-разному относилось к изменам мужчин и женщин. Изменять – это вроде как привилегия мужчин. Но отныне мужчина и женщина равны. Вольности в отношении женщины больше недопустимы.

Во все времена женщины, как и мужчины, мечтали о власти. Но прежде их роль и влияние почти полностью зависели от мужчин. Чтобы завоевать положение в обществе и иметь возможность влиять на страну, они должны были завоевать мужчину. Это тернистый путь. Женщины жаловались, что оказывались между мужчинами, которые ими помыкали, и мужчинами, которые ими пользовались.

Путь наверх лежал через постель. Казалось, это всех устраивает. Но выяснилось, что это иллюзия. Женщины просто стыдились и боялись говорить открыто. Они предпочитают иные карьерные лестницы. Теперь женщины успешно играют самостоятельную роль в жизни и в политике, выходят в министры и президенты. Постель не является для них стартовой площадкой. Женщины ни в чем не желают отставать! Женщины вытесняют мужчин. Мужчины оказались к этому не готовы. И они сурово наказаны.

Череда скандалов на сексуальной почве ломает карьеры. Рушатся идолы и идеалы. Режиссеры и продюсеры, которые ставят фантастически популярные фильмы, но ведут себя более чем экстравагантно, даже самые яркие голливудские звезды – когда речь идет о преступлениях такого рода, никто отныне не может рассчитывать на снисхождение. Погублена репутация небожителей, тех, чье имя на церемонии вручения кинематографической премии «Оскар» с благодарностью и придыханием упоминается чаще, чем имя Всевышнего!

Американские актрисы театра, кино и телевидения основали движение под названием Time's Up («Время вышло») для защиты женщин от сексуальных домогательств и дискриминации. В движение включились сотни людей, в том числе очень известные актрисы. Они легко собрали миллионы долларов в фонд помощи пострадавшим от сексуальных домогательств:

– Пора положить конец ситуации, в которой женщинам приходится бороться за свой профессиональный рост и за то, чтобы быть услышанными. Время мужской монополии вышло.

Началось с продюсеров, режиссеров и актеров. Но быстро перекинулось на министров и генералов. В Соединенных Штатах волна разоблачений обрушилась на газетных и телевизионных журналистов. Захлестнула Конгресс. Оказалось, что в последние годы Конгресс тайно заплатил женщинам, которые жаловались на непристойное поведение законодателей, семнадцать миллионов долларов отступного! Лишь бы молчали о шалостях сенаторов и конгрессменов.

Признано аморальным то, что еще недавно казалось непредосудительным. Общество всегда меняется, меняются и стандарты поведения. Но происходящее сейчас носит более глубокий и серьезный характер! Это тектонический гендерный сдвиг – в пользу женщин. И женщины уверенно говорят:

– Это поворотный момент. Отныне все будет иначе!

Лозунг сегодняшнего дня: «Мужчины должны измениться!»

Совсем недавно все было иначе. Во время последней избирательной кампании в США телезрителям прокрутили видеозапись, на которой кандидат в президенты от Республиканской партии Дональд Трамп пренебрежительно объяснял ведущему, как он привык обращаться с женщинами:

– Я не жду. Я просто сразу начинаю их целовать. Если ты звезда, тебе все позволено. Можешь делать все, что хочешь. Хватай их за...

Возмутился вице-президент Джо Байден:

– Если бы мы учились в старших классах, я бы вытащил его во двор за спортзалом и как следует поколотил.

Трамп ответил тирадой:

– Джо Байден пытается строить из себя крутого парня. На самом деле он слабак. Он меня не знает. Он бы бежал от меня со всех ног, заливаясь слезами!

Казалось, все избирательницы точно проголосуют против него. Видные республиканцы потребовали от Трампа не позорить великую партию, снять свою кандидатуру и выйти из президентской гонки. Несколько женщин подтвердили, что он их домогался.

Трамп ничего не признал. Как ни в чем не бывало заявил, что это заговор против него. Обещал привлечь женщин-заявительниц к суду за ложные обвинения... И каков результат? В ноябре 2016 года за Трампа проголосовало сорок с лишним процентов женщин. Несмотря на все его оскорбительные рассказы. В первую очередь его поддержали женщины с не очень удачной судьбой, которые хотели бы возвращения прежнего жизнеустройства, когда мужчина обеспечивал семью. А ровно через год, в 2017-м, все переменялось! Революция! Возможно, ее тоже спровоцировало избрание Дональда Трампа.

Любимого зрителями Кевина Спейси вырезали из уже готового фильма и вместо него сняли другого актера. И для политиков теперь такие разоблачения равносильны катастрофе. Раньше этого не было!

Лишь сто француенок, среди которых знаменитая актриса Катрин Денёв, посмели пойти наперекор течению и опубликовали в парижской газете «Монд» открытое письмо в защиту права мужчин ухаживать за женщинами:

«Насилие – это преступление. Но попытки соблазнить, пусть даже навязчивые или неуклюжие, преступлением не являются. И если мужчины ведут себя как джентльмены, то это никак нельзя считать проявлением шовинизма по отношению к женщинам.

Мужчины теряют работу только из-за того, что дотронулись до чьей-то коленки или попытались кого-то поцеловать. Мы не хотим быть частью такого феминизма, который, вместо того чтобы осуждать злоупотребление властью, возвращает вражду по отношению к мужчинам и сексуальности».

Что не понравилось француженкам? Отношение к женщине как к слабому существу и беспомощной жертве:

«Человеческая натура многогранна: женщина может и руководить большим коллективом, и наслаждаться тем, что она вызывает страсть у мужчины. При этом она не становится «шлюхой» и гнусной пособницей сторонников патриархата. Право ответить отказом на нескромное предложение не имеет смысла без права это предложение сделать».

Катрин Денёв и другие поддержавшие ее француженки заявляют:

– Мы умеем сказать «нет» и постоять за себя. Нам не нравится, что радикально настроенные феминистки затеяли борьбу против мужчин и секса в целом, потому что женщины имеют такое же право хотеть секса, что и мужчины.

Критики напомнили Катрин Денёв, что в ее родной стране около четырех миллионов женщин, иначе говоря, каждая восьмая француженка, – хотя бы раз в жизни были изнасилованы. Государственный секретарь Франции по вопросам равенства полов Марлен Шьяппа предложила ужесточить наказание за сексуальные насилие и домогательства.

Кампания обвинений в недостойном поведении, сексуальных домогательствах и половой распущенности распространяется быстрее лесного пожара. Эти обвинения стоят минимум карьеры. У многих сломана жизнь. Они боятся даже показаться на улице. А кто-то, не выдержав позора, покончил с собой.

– Ничего страшного, – хладнокровно заметила одна американская писательница, – если пострадает репутация нескольких ни в чем не повинных мужчин, а кто-то из них даже лишится работы. Что делать! Это плата за демонтаж патриархата.

Перемены невероятные!

Имеют ли политики право на личную жизнь? Этим вопросом американцы задались в 1963 году, когда губернатор Нью-Йорка Нельсон Рокфеллер развелся и вновь женился. Тогда все были поражены этим событием.

Нельсон Рокфеллер, растущая звезда американской политической жизни, рассчитывал на выдвижение в президенты от Республиканской партии. Но Рокфеллер оставил жену, которая родила ему пятерых детей. А его новая избранница развелась с мужем и отдала тому на попечение четырех общих детей.

Новая жена была очень милой и обаятельной. Но Рокфеллер все потерял, потому что развод породил политический шторм. Республиканцы были потрясены. Сенатор Прескотт Буш, отец и дед будущих президентов США, гневно вопрошал:

– Как это могло произойти? Он сам бросил жену и детей и еще убедил молодую женщину оставить своих четверых детей и мужа?

Через четыре года, в 1968-м, Нельсон Рокфеллер вновь попытал счастья. Однако же товарищи по партии предпочли ему Ричарда Никсона, и тот стал президентом.

До Белого дома не добрался и бывший губернатор Иллинойса Эдлай Стивенсон, который развелся в 1949 году. Его дважды выдвигала кандидатом в президенты Демократическая партия – в 1952-м и в 1956 году, но он оба раза проиграл генералу Дуайту Эйзенхауэру.

Рональд Рейган – первый политик, который стал хозяином Белого дома, несмотря на развод. Он разошелся с первой женой в 1949 году. Но, когда он баллотировался в 1980-м, его развод за давностью лет не стал темой избирательной кампании.

Америка не выбирает в президенты политика без жены и детей. Семья – важнейший критерий, которым руководствуются избиратели. Только один президент был разведен – Рональд Рейган, но он вновь вступил в брак. Один холостяк завоевал Белый дом – пятнадцатый президент страны Джеймс Бьюкенен (1857–1861 годы). И один вдовец – десятый президент Джон Тайлер (1841–1845 годы). Но он потом женился на молодой и красивой даме.

Американская политическая система предполагает особо хорошие отношения президента с женой. Он должен даже благоговеть перед супругой. Он должен демонстрировать на публике свою любовь к жене, выказывать ей уважение, в противном случае он рискует своей властью. Чем больше проблем у президента, тем больше уважения он должен выказывать своей жене.

А жены должны жертвовать собой во имя президентства. Даже такие активные первые леди, как Элеонора Рузвельт – жена Франклина Делано Рузвельта, – обрели некоторую власть только в роли глаз и ушей своих мужей. Жена президента Линдона Джонсона леди Бёрд все свои выступления заканчивала фразой:

– Я собираюсь домой и расскажу Линдону, как замечательно вы работаете.

Развод всегда считался убийственным для политика. Но любовные увлечения, интрижки и романы в прежние времена не возбранялись. Из всех президентов только двое – Гарри Трумэн и Джимми Картер точно не развлекались на стороне.

Гарри Трумэн и его жена полагались друг на друга во всем. Она признавалась:

– Гарри и я любим друг друга, хотя женаты больше сорока лет. И где бы я ни была, если я протягивала руку, Гарри был уже здесь и держал мою руку в своей.

Когда президент Трумэн выступал, он инстинктивно искал глазами жену, чтобы увидеть, одобряет ли она то, что он говорит. Покинув Белый дом, он сказал в интервью:

– Три вещи губят мужчину: власть, деньги и женщины. Власти я никогда не хотел, денег у меня не было, а единственная женщина в моей жизни ждет меня дома.

Во время избирательной кампании 1976 года кандидат от Демократической партии Джимми Картер задал новый стандарт откровенности в сфере секса. Он честно признался журналу «Плейбой», что вожделел других женщин, но ничего себе не позволял.

Удивительным образом его откровенность устроила и либералов, которые желали изъять всяческие табу, и консерваторов, которые желали их усилить. С этого времени сексуальная жизнь видных фигур стала естественной темой бесед.

Журналисты с пристрастием допрашивали и жену Картера:

– А у вас были внебрачные связи?

Розалин Картер с достоинством ответила:

– Даже если бы они у меня были, я бы вам не сказала.

Теперь таким ответом не отделаешься.

Обманул жену, обманешь и страну

В 1915 году президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон, недавно овдовевший, завел роман с Эдит Галт. Но страна не знала о романе – пока не было объявлено о помолвке. Внебрачные связи другого президента Уоррена Хардинга выплыли на свет только после его смерти, когда появились мемуары одной из его любовниц – Нэн Бриттон.

Ничего не писали о романе Франклина Рузвельта с его секретаршей Люси Мерсер и других интрижках на стороне. Равно как о романе Дуайта Эйзенхауэра с его личным водителем, а возила его женщина – Кэй Коммерсбай.

Плейбой и любимец женщин Джон Кеннеди изменял жене направо и налево. Он даже и не пытался ничего скрыть. Он словно бравировал своими приключениями. Но столичные репортеры, безжалостные к другим политикам, по доброй воле скрывали дамские истории Джона Кеннеди. Они его любили и покрывали.

Обитатели Белого дома давно осознали, что растущий интерес к деталям президентской семейной и интимной жизни таит в себе опасность. Американские президенты стали сблизиться с влиятельными журналистами, вели с ними доверительные беседы, откровенничали. И тем самым делали журналистов частью правящей элиты. В результате газетный обозреватель, друживший с президентом, конечно же, не мог писать о его романах на стороне.

Президента Линдона Джонсона обуревали сильные страсти. В нем словно сосуществовали два человека. Один был невероятно обаятелен, другой – жесток и злобен. Окружающие считали, что он сошел со страниц романа Достоевского – грешник и святой, шут и государственный деятель, циник и сентиментальный человек. Твердая воля и огромная жизненная сила сочетались в нем с уверенностью в собственном всемогуществе и в том, что ему все позволено.

Линдон Джонсон не пропускал ни одной юбки. По количеству любовниц он уступал только Джону Кеннеди. Один из помощников назвал Джонсона «сексуальным гориллой». Его приятель вспоминал:

– Если он хотел женщину, то концентрировался на ней полностью. Добившись своего, переключался на другой объект.

Секс для него был частью успеха. Он однажды признался помощнику, что женщины, спиртное и возможность понежиться на солнце – это то, ради чего стоит жить. Он коллекционировал женщин, как другие коллекционируют охотничьи трофеи. Он любил окружать себя молодыми женщинами – с ними он чувствовал себя моложе.

Говорили, что Линдон Джонсон женился на леди Бёрд ради денег ее отца. На самом деле он связал судьбу с женщиной, которая посвятила жизнь мужу, была ему преданна во всем и все ему прощала. Она словно не замечала множества его романов, хотя он приставал к женщинам у нее на глазах. Она выросла в семье, где мужчины были тиранами, а женщины – жертвами. Женщины страдали, но молчали. Леди Бёрд пребывала в убеждении, что такой выдающийся мужчина, как Линдон Джонсон, имеет право на любовниц.

И все переменялось из-за истории с сенатором Гэри Хартом! Когда он вступил в президентскую гонку, то, по опросам общественного мнения, далеко опережал всех потенциальных конкурентов. И должен был выиграть у главного соперника – Джорджа Буша-старшего.

Но в 1987 году сенатор Гэри Харт, ожидавший выдвижения кандидатом в президенты от Демократической партии, выпал из гонки, потому что газета «Майами геральд» рассказала, что он развлекался с манекенщицей Донной Райс на борту яхты.

Сравнивая его с Джорджем Бушем, Гэри Харта называют блистательным и умным государственным деятелем высшего уровня. Он предупреждал о появлении международного терроризма и настаивал на необходимости трансформировать индустриальную экономику

в новую, основанную на информационных технологиях, когда другие все еще говорили о выплавке стали.

Все началось с того, что 27 апреля 1987 года в восемь вечера зазвонил телефон сотрудника газеты «Майами геральд» Тома Фидлера. За две недели до этого Харт сообщил, что будет баллотироваться. Среди журналистов ходили слухи о том, что его брак не удался и у него кто-то есть. В тот день Фидлер написал заметку на первой полосе своей газеты на эту тему. Позволившая ему женщина только что ее прочитала.

– Вы пишете, что ходят слухи о романах Гэри Харта, – сказала она. – Это не слухи.

И задала прямой вопрос:

– Сколько вы заплатите за фотографии?

Объяснила, что это ее подруга каталась с Хартом на яхте неподалеку от Майами. У подруги остались снимки. И она их видела. С кандидатом в президенты развлекалась актриса Донна Райс. Ей было двадцать девять лет. Она снималась в рекламе.

Позволившая журналисту женщина рассказала, что Харт пригласил ее подругу в Вашингтон и они проведут вместе ночь в пятницу.

Все считали, что позвонила журналисту Линн Армандт, которая была вместе с Донной Райс на яхте, и что она очень неплохо заработала, продавая фотографии, сделанные во время того путешествия. Но, как выяснилось через много лет, это была не Армандт.

Политическую историю Соединенных Штатов изменила Дана Уэймс. Тогда она работала костюмером в кино. Ей позвонил журналист и сказал, что пишет статью о Гэри Харте и той истории.

– Боже мой, – вырвалось у нее.

И журналист спросил:

– Это вы тогда позвонили в «Майами геральд»?

– Ага, – ответила она. – Это была я.

Дана работала манекенщицей. И она участвовала в вечеринке на яхте, где был Харт и его друг Билли Броудхёрст, юрист из Луизианы. Уверяла, что Харт запал на нее, говорил ей красивые слова. Но она не ответила сенатору взаимностью.

– А вот Донна Райс... Она хотела стать второй Мэрилин Монро, через постель добраться до Белого дома. Вот почему она согласилась плыть ночью с Хартом.

Донна Райс постоянно говорила о своем романе. Дану это раздражало. И ей не хотелось, чтобы Харту это сошло с рук:

– Он же идиот! Как такой человек может управлять страной?

Прочитав заметку в «Майами геральд», позвонила журналисту.

А Линн Армандт стояла рядом и ловила каждое слово. Армандт решила, что они могут заработать на этих снимках. Поразительно, что обе подруги предали Донну Райс.

Впрочем, Дана Уэймс счастья это не принесло. Она живет одна. Передвигается в инвалидной коляске, страдает от мультиплицированного склероза:

– Я сожалею, что сломала ему жизнь. Я была молода. Я не думала, что все так получится.

В пятницу, в тот день, когда Харт ждал Донну Райс в своей квартире на Капитолийском холме, из Майами вылетел репортер Джим Макги. Весь полет он ходил по кабине самолета, надеясь понять, кто из женщин летит в столицу, чтобы провести ночь с кандидатом в президенты США. Но как это определить?

Прилетев в Вашингтон, он взял такси и поехал к дому Харта. Устроился на скамейке в парке, что позволяло ему наблюдать за входом в дом. В половине десятого вечера он увидел Харта с ослепительной блондинкой, которую узнал: он видел ее в самолете. Макги из телефона-автомата позвонил в редакцию – все получается!

Фидлер прилетел в Вашингтон в субботу утром вместе с редактором и фоторепортером. Плюс местный корреспондент газеты. Расследовательская бригада составила пять человек. Они взяли две машины напрокат.

Около девяти вечера Харт и Райс вышли из дома. Они собирались поужинать. Но Харт почувствовал: что-то не так. Заметил репортера – очень крупного, да еще в черных очках. Он просто бросался в глаза. Репортер пытался убежать. Харт забеспокоился и вернулся со спутницей в дом. Он понял, что за ним следят. Но не мог понять – кто?

Он выглянул из окна своей кухни на втором этаже. Засек всех пятерых журналистов, которые переговаривались между собой.

Он позвонил Броудхёрсту, и тот прибыл вместе с Армандт и жареными цыплятами. Все вместе поужинали. И Броудхёрст увел обеих женщин через черный ход. Больше Харт не увидит Райс. Он решил переиграть преследователей. Он был загнан в угол, и разум ему изменил. Сел в машину и уехал. Его преследовал фотокорреспондент.

Гэри Харт остановился. Увидел преследовавшую его машину, записал номер. Тогда журналисты поняли, что нет смысла скрываться. Словом, они бросились к нему. Кандидат в президенты был один. Ни охранников, ни помощников. Как себя вести?

Такого еще не было, чтобы журналисты требовали объяснений прямо на улице. Они пытались найти свое место во внезапно изменившейся американской политике. Через восемь дней газета поместила полный отчет об этих событиях. Журналисты верили, что вовремя остановили на пути к Белому дому опасного, аморального человека.

Журналист потом описывал беспомощную позу Харта, словно ожидал, что его сейчас ударят. От него требовали ответов. Он был потрясен, когда его спросили о путешествии на яхте. Он ответил, что это его личное дело, что все имеют право на личную жизнь.

Он ушел к себе потрясенный и раздавленный. Фотограф снимал его уходящим. Он уходил из политики. За несколько недель до этого Харт уверенно говорил журналистке, которая писала его портрет и задала вопрос о его личной жизни:

– Можете последить за мной, мне все равно. Но вы будете разочарованы.

Он сказал это раздраженно и саркастически. Теперь это прозвучало как приглашение – вот журналисты из «Майами геральд» последовали его призыву. Его слова оправдывали действия журналистов. Выходило, что не они, а он сам разрушил границу между личной и общественной жизнью. Он словно не оставил журналистам выбора.

Харт пытался продолжать предвыборную кампанию, но журналисты хотели получить от него ответ только на один вопрос: это правда? И он отказался от борьбы. Опрос общественного мнения показал: две трети опрошенных считали, что журналисты обошлись с Хартом несправедливо. Ни с кем еще не поступали так жестоко! И все, кто вспоминает о нем, грустно качают головой: такой умный парень – как он мог позволить себе столь глупый поступок?

Тот же вопрос можно было задать и другим политикам. Но прежде им все сходило с рук. А к концу 80-х в американской политике пронесся мощный торнадо. Гэри Харт первым попал в воронку. Страна переживала последствия Уотергейтского скандала, который привел к отставке президента Ричарда Никсона в 1974 году. Он лишился должности не из-за политических ошибок, а потому что пытался обмануть страну. Это изменило политическую жизнь. И требования к моральному облику политика.

Гэри Харт искренне верил, что его приключения с блондинкой на яхте никого не интересуют. Но правила стремительно изменились, и он попался.

На протяжении XX века адюльтер редко осуждался и считался для мужчин вполне приемлемым. Президенты Кеннеди и Джонсон правили в те времена, когда интрижка влиятельного человека с секретаршей была столь же распространенным явлением, как и три порции мартини во время ланча.

Но к концу XX века общество переменялось. Феминизм сильно повлиял на самосознание женщин. Либералы считают правильным рассказывать о таких поступках ради защиты интересов женщин, которых используют как товар, а консерваторы считают, что они так отстаивают семейные ценности.

Журналисты уверены: сексуальные развлечения политика, как минимум, свидетельствуют о склонности к обману и неспособности принимать разумные решения. И это не право журналистов, а их долг – раскрывать секреты тех, кто у власти. Адюльтер – политическая измена. Поэтому об этом надо говорить публично. И разоблачать неверных политиков: обманул жену – обманешь и страну.

– Это последний случай, когда кандидат в президенты позволяет себе обращаться с женщиной как с предметом, – грозно заявила после скандала с Гэри Хартом активистка женского движения Бетти Фриден.

Если бы она только знала, к каким последствиям все это приведет...

В прежние времена залогом успеха в журналистике было умение завоевать доверие не только читателей, но и сильных мира сего и проникнуть в их мир. Близость к власти и секретной информации, познания о жизни за кулисами большой политики делали тебя успешным.

Но Уотергейтский скандал пробудил новый тип амбиций. Примером для подражания стали Боб Вудворт и Карл Бернстайн из газеты «Вашингтон пост», которые заставили президента Ричарда Никсона покинуть Белый дом. Расследовательская журналистика расцвела. И связала личное с политическим.

Трудно переоценить влияние этой истории на молодое поколение журналистов. Если ты хотел изменить мир, это означало, что ты обязан разоблачать ложь политиков, не размышляя над тем, каковы могут быть последствия.

Теперь журналисты считают, что любое сексуальное развлечение политика должно быть раскрыто. Хотя звучат и другие голоса: журналистам следует проявлять осторожность. Все-таки для начала стоит определить, имеет ли некая романтическая история отношение к политике? Точно ли она мешает политику исполнять свои обязанности?

Но общество уже уверилось, что позволившего себе некую вольность политика следует наказать – как минимум, романы на стороне свидетельствуют о его неспособности принимать разумные решения. Первым в жертву был принесен президент Билл Клинтон.

Журналисты не колебались ни минуты, когда узнали о романе президента с Моникой: страна обязана знать все о хозяине Белого дома. И Клинтон не мог остановить поток разоблачений. Политическая жизнь Америки устроена так, что глава государства не в силах помешать прессе рассказывать то, что она считает необходимым.

На Хиллари Клинтон больно было смотреть, когда весь мир узнал, что муж ей изменяет! Она вела себя так, словно ничего не произошло. Во всем поддерживала мужа. Ни тени сомнения в его правоте и ее любви к нему. Ни словом, ни жестом она не выдала того, что творилось в ее душе.

Думали, для нее жизнь кончилась. Оказалось, ошиблись. Все только начиналось!

Хиллари добилась избрания в сенат. Барак Обама назначил ее государственным секретарем, и она четыре года руководила американской дипломатией. Но приключения ее мужа в конце концов помешали ей стать первой женщиной – президентом страны. Дональду Трампу очень понравилась фраза: «Если Хиллари Клинтон не может удовлетворить своего мужа, почему она думает, что сможет удовлетворить Америку?»

Если бы Билл Клинтон мог себя сдерживать, то настроения избирателей не качнулись бы в сторону его противников- республиканцев и в Белом доме его бы сменил не Джордж Буш-младший, а кандидат от демократов Альберт Гор. И в 2008 году президентство точно досталось бы Хиллари Клинтон. А Дональд Трамп так и остался бы экстравагантным миллиардером с неудовлетворенными политическими амбициями...

Со времен Уотергейтского дела общество жаждет разоблачений. И вместо анализа политической программы журналисты выясняют: а не солгал ли в чем-то кандидат в президенты? Лозунг современной журналистики: «Мы знаем, что ты в чем-то нас обманываешь, что ты ловчишь с избирателями. Наша задача – это доказать».

А вот чем это обернулось. Политики озабочены только тем, чтобы не совершить ничего опасного. Конечно, средства массовой информации обязаны разоблачать лжецов и лицемеров. Но страх разоблачений мешает политикам серьезным и глубоким. И помогает тем, кто мало что понимает. Они пробиваются наверх и делают карьеру. Главное их достоинство – стерильное прошлое. За ними ничего не значит.

Что же удивляться, что разочарование в политике столь глубоко? Все-таки раньше была иная политика. Избиратели больше интересовались не тем, что кандидат делал со своим телом, а тем, что он делал для страны.

Президент Франклин Рузвельт был инвалидом и изменял жене, но важнее было его стремление преодолеть последствия Великой депрессии и противостоять Адольфу Гитлеру и Третьему рейху.

Президент Дуайт Эйзенхауэр завел роман с женщиной, которая во время войны служила его водителем, но главное состояло в том, что он командовал объединенными силами союзников во время Второй мировой войны, в 1944 году высадился в Нормандии, а став президентом, закончил войну в Корее.

Джон Кеннеди пользовался успехом у многих красивых женщин, начиная с актрисы Мэрилин Монро, но главное состоит в том, что он сумел благополучно разрешить Кубинский кризис, который мог перерасти в ядерную войну, и занял твердую позицию в защиту гражданских прав.

Конечно, интерес к странностям личной жизни видных политиков существовал всегда. В обществе ходили слухи о тех, кто слишком много пил или напропалую развлекался с женщинами. Но все-таки главными были стоящие перед страной проблемы и роль политиков в их решении. А сейчас все интересуются лишь скабрёзными эпизодами из жизни великих мира сего.

Интернет, все современные средства связи, новые технологии стремительно сокращают сферу личной жизни каждого человека. В обществе существует культура открытой сексуальности, и при этом общество ничего не прощает политикам. Но должен быть и какой-то баланс между правом политиков на личную жизнь и правом общества на честный анализ их поведения.

Белый дом – место для людей с сильным характером. Немногие способны выдержать испытание той властью, которой наделен президент Соединенных Штатов. Возможность руководить могущественной страной и исполнить почти любую мечту, конечно же, развращает. Но работающим в Белом доме приходится забывать о личной жизни.

Президентам не прощают ошибок. Американцы хотят, чтобы в Белом доме обосновался прямой и откровенный человек без личных проблем и шлейфа скандалов. Больше никаких внебрачных связей – это исключено. Теперь журналисты исследуют все подробности интимной жизни кандидата в президенты. По этой причине некоторые потенциальные кандидаты решили для себя, что не будут баллотироваться...

Недавний американский президент Барак Обама, говоря по-старому, – просто подкаблучник. Своей популярностью он в немалой степени был обязан счастливой семейной жизнью. Любимый и любящий муж и отец – это очень нравилось избирателям.

– Одна из самых чудесных вещей в президентстве, – говорил Барак Обама, – это то, что я живу над своим кабинетом и не расстаюсь с Мишель и детьми. Я вижу их утром. И мы вместе ужинаем.

– Если девочки хотят видеть отца, они могут к нему зайти, – вторила мужу Мишель Обама. – Им всегда рады. Они спокойно играют, зная, что отец рядом. Это замечательно. Такого давно не было.

Среди рабочего дня он заходил повидать жену. Иногда Мишель появлялась в западном крыле Белого дома с детьми. Или с собакой. В этой семье все на равных. Мишель придерживается современных взглядов: женщина и мужчина делят обязанности поровну. Барак Обама, уже будучи сенатором, отлынивал от мытья посуды. Но Мишель ему спуска не давала.

Как-то после особенно удачного дня в сенате Обама позвонил жене, чтобы поделиться своим успехом.

Мишель его прервала:

– У нас в квартире муравьи. В ванной и на кухне. Так что по дороге домой купи ловушки для муравьев. Я бы купила сама, но мне нужно везти детей к врачу. Можешь?

– Конечно. Я понял, ловушки для муравьев.

– Но не забудь, дорогой. Извини, у меня встреча. Целую.

Обама повесил трубку, размышляя над тем, приходится ли его коллегам по сенату Эдварду Кеннеди или Джону Маккейну покупать ловушки для муравьев по дороге домой.

В Белом доме всю домашнюю работу исполняют вышколенные слуги, так что президенту Обама стало полегче... Но ему было запрещено опаздывать к семейному ужину. И в его обязанности входило погулять вечером с собакой.

Личная жизнь Дональда Трампа – мечта светских хроникеров. И он нисколько не огорчается, когда заглядывают в его спальню. Он и здесь на редкость самоуверен. Снисходительно сочувствует тем, кому не так повезло:

– Если тебе нужна виагра, значит, ты еще не нашел свою женщину.

Семейные дела президента – тоже предмет его гордости. В первый раз он женился на двадцативосьмилетней спортсменке, актрисе и фотомодели Иване Мари Зельничковой из Чехословакии. Это произошло 7 апреля 1977 года. Церемония была пышной. Венчал их один из самых знаменитых пресвитерианских священников.

Первая жена родила ему троих детей – сыновей Дональда-младшего и Эрика, дочь Иванку. Все они помогали отцу избраться в президенты. Особенно важным было участие Иванки, матери троих детей. Она смягчала эффект от заявлений отца, которые феминистки называли женоненавистническими. Иванка неустанно выступала на предвыборных митингах и собраниях, стараясь привлечь на сторону отца женщин-избирательниц.

Дональд Трамп и его первая жена расстались в 1992 году. Она получила при разводе четырнадцать миллионов долларов. Трамп вновь женился – на двадцатидевятилетней Марле Энн Мейплз. Она профессионально играла в баскетбол и снималась в кино. Брак оказался недолгим.

Завидна ли роль жены магната?

Обязательные ланчи в стервозной атмосфере компании, где все друг друга терпеть не могут. Безрадостные вечеринки с нужными мужу важными персонами. Разговоры с их женами о диете, подтяжках лица и достоинствах различных пластических хирургов. И повсюду опасные конкурентки. Ни на секунду нельзя оставить мужа-миллиардера одного. Уведут! Вокруг него вились мириады молодых и привлекательных женщин. И завистливые слухи укладывали его в постель со всеми красотками, которых он встречал.

Марле и Дональд разошлись летом 1999 года. А 22 января 2005 года Трамп женился в третий раз и преподнес невесте кольцо стоимостью полтора миллиона долларов. Будь кольцо дешевле, об этом не написали бы в светской хронике. На свадьбу были приглашены многие знаменитости, в том числе и Хиллари Клинтон. Тогда они с Трампом еще не знали, что через десять лет сойдутся на политическом ристалище.

Его третья жена Мелания родом из маленького словенского городка Севница. Целеустремленность помогла девушке вырваться из бедности. Она поступила на архитектурный факультет университета в Любляне. Но диплом не получила, поскольку соблазнилась карьерой, которая так манит красивых девушек с завидной фигурой, – фотографии обратили внимание на ее красивые ноги и роскошные длинные волосы. Она, как и предыдущие жены президента, стала моделью. Вкусы Трампа не меняются.

Она работала в столицах мировой моды – Милане и Париже. Добиваясь успеха, прибегла к услугам пластического хирурга – изменила форму носа, объем губ и размер груди. Многие молодые люди не понимают, почему жизнь не удается? И решают: не тот нос. Делают операцию и освобождаются от комплекса.

В конце концов Мелания перебралась в Нью-Йорк. В 1999 году она познакомилась с Трампом, и эта встреча изменила судьбу обоих. Он называет ее «любовью всей моей жизни». Мелания на четверть века моложе мужа. Ее фотографии неглиже печатались в мужских журналах. Трамп нисколько не возражал: пусть завидуют!

В таком мире процветают лишь обладатели стальных нервов. Другим приходится искать помощи в надежно огражденных от чужого внимания частных клиниках для именитых и знаменитых клиентов, которых одолевают их демоны.

Душевные травмы, алкоголизм, наркомания, рухнувшие браки – результат искушений, с которыми простые смертные, получившие больше денег и общественного внимания, чем они могли мечтать, справиться не в силах. Но с Дональдом Трампом связывают свою судьбу только крепкие духом. Или те, кто холоден от природы...

Ни высокая должность, ни завидное положение в истеблишменте не дают иммунитета от большой чистки, развернувшейся в ходе демонтажа патриархата.

Роб Портер, руководитель секретариата президента Трампа, принужден был в феврале 2018 года покинуть Белый дом, потому что сразу обе бывшие жены обвинили его в домашнем насилии.

Первая жена Колби Холдернесс рассказала о том, что Роб Портер бил ее и душил. И предъявила журналистам свою фотографию с синяком под глазом, объяснив, что муж сильно ударил ее в 2005 году, когда они проводили медовый месяц во Флоренции. А вторая жена Дженни Уиллоби поведала журналистам, что в 2010 году получила в суде предписание, которое запрещало Портеру приближаться к ней.

Руководитель президентского секретариата пытался защищаться:

– Эти возмутительные заявления попросту лживы. Фотографии, которые были переданы средствам массовой информации, я снял почти пятнадцать лет назад, и на самом деле на них изображено совсем не то, что утверждается. Я не буду публично реагировать на эту скоординированную кампанию шельмования.

Но, осознав, что спасения нет, подал в отставку.

Руководитель президентского аппарата Джон Келли, генерал и недавний министр внутренней безопасности США, назвал Роберта Портера «человеком истинной честности и чести»:

– Я могу перечислять его положительные качества бесконечно. Он хороший друг, доверенное лицо и надежный профессионал. Я горжусь тем, что мне довелось с ним работать.

Но рекомендовал президенту поскорее с ним расстаться:

– Я был шокирован новыми обвинениями в адрес Роберта Портера. В нашем обществе нет места домашнему насилию. Я остаюсь верным своим прошлым комментариям о Роберте Портере, каким я узнал его с момента вступления в должность, и считаю, что каждый человек заслуживает права защищать свою репутацию.

Скорбно добавил:

– Сегодня я принял его отставку.

Роб Портер занимал один из важнейших постов в администрации. Он был человеком, который приносил президенту все поступающие ему документы.

Дональд Трамп пожелал Портеру удачи:

– Он очень хорошо работал в Белом доме. И он решительно заявил, что невиновен. Думаю, вы помните это.

Вот что интересно. Информация о том, что высокопоставленный чиновник склонен к домашнему насилию, поступила в Федеральное бюро расследований, которое проверяет всех сотрудников президентской администрации. Портер получил лишь временный допуск к секретным материалам. По нынешним правилам домашнее насилие – достаточное основание для того, чтобы отказать в допуске.

Покинул Белый дом и спичрайтер президента Дэвид Соренсен, который писал Трампу речи. Бывшая жена обвинила его в «насилии и эмоциональной агрессии». Соренсен обиженно ответил:

– Я сам – жертва насилия!

Но это ему не помогло. От него поспешили избавиться. Представитель Белого дома сообщил журналистам:

– Накануне вечером мы узнали об этих обвинениях. Мы обратились к нашему сотруднику. Он опроверг обвинения. Но сегодня подал в отставку.

Бьет – значит любит

Каждая история домашнего насилия кажется уникальной по бессмысленной жестокости, по бесчеловечности и трагизму. Но бьют жен и детей отнюдь не прирожденные садисты.

15 августа 1917 года, в день Успения Пресвятой Богородицы, в Москве открылся Первый Всероссийский церковный собор. Среди прочего Собор обсудил доклад «О поводах к расторжению церковных браков». Вопрос назрел.

На протяжении веков женщина в обмен на замужество (что было для нее совершенно необходимо, потому что придавало необходимый в сословном обществе статус) предлагала мужу абсолютные верность и покорность; жена – прежде всего мать, способная рожать детей, и хозяйка, обеспечивающая жизнь мужчины. При этом она обязана была хранить супружескую верность. На мужа это правило не распространялось.

Бесправное положение женщины было особенно заметно в крестьянских семьях. Избить жену – не считалось чем-то предосудительным. Но суды, как правило, отказывали им в защите и разводе. Невозможность развестись вела к печальным последствиям. В начале XX века каждый третий младенец в Санкт-Петербурге появлялся на свет вне брака. В столице каждая пятая беременность заканчивалась абортom. Росло количество брошенных детей.

Один из опытных дореволюционных юристов, автор книги «О разводе в России», перечислял пагубные последствия невозможности развестись: «...увеличение числа незаконных связей, количества незаконных рождений, детоубийств, супругоубийств, медленное развращение всего общества, видящего и привыкающего к разврату, супружеской неверности, нравственному оскудению и искажению нравственных идеалов».

Вот почему на Соборе митрополит Сергей (Страгородский) призывал осознать, что есть супруги, которым вместе жить нельзя и не надо их заставлять:

– Статистика показывает, что Россия по количеству мужеубийц занимает если не первое, то одно из первых мест во всем мире. Среди язычников-магометан наша христианская Русь стоит на первом месте по числу ужасных преступлений. Один батюшка говорил о снохачестве. Что это такое? Смотреть на женщину как на рабу, которую можно не только бить, но и отдать бог знает на что. И это называется святость брака?..

Другие священнослужители менять ничего не желали:

– Супруг вправе просить о расторжении брака в случае покушения другого супруга на убийство супруга- истца. Но что значит покушение? Повышенный голос, взмах руки, сердитый взгляд – все это можно подвести под покушение... Не забывайте о нравах нашей деревни: она, как известно, не отличается утонченностью. Там бывают и такие случаи. Молодая девушка вышла замуж. Проходит некоторое время, и она жалуется, что муж ее не любит, так как ни разу не поучил, то есть ни разу не побил. И вот представьте: вдруг явится адвокат и надоумит – подай в суд, проси развода за причиненные истязания. Поместный Собор отверг тогда предложение считать поводом к разводу жестокое обращение с супругом.

Прошло сто лет. Домашнее насилие общество по-прежнему не считает преступлением. Сколько людей каждый год становятся жертвами внутрисемейного насилия? Исследование, проведенное в 2017 году в США, показало: убийство – пятая по значению причина смерти женщин в возрасте от восемнадцати до сорока четырех лет. В основном женщин убивают мужья или любовники.

А у нас точной статистики нет, потому что она не ведется! Министерство внутренних дел сообщило: ежегодно четырнадцать тысяч российских женщин убивают их собственные мужья и партнеры.

Тогда я обсуждал эту печальную тему с академиком Татьяной Дмитриевой, которая была министром здравоохранения и руководила Государственным научным центром социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

– Для нашей страны характерен синдром избиваемых жен: женщины молчат, и никто ничего не знает, пока женщина, скажем, не совершит самоубийство, – говорила академик Дмитриева. – Причем женщины, испытавшие в детстве насилие, инстинктивно находят бьющих мужей. Им кажется, что это норма.

Прежде мужчина был главным в доме, что принималось как само собой разумеющееся. Отношения в семье изменились, но мужчина пытается доказать, что он все еще хозяин. Мужчины, терпящие неудачу в жизни, часто теряют уважение к самим себе. На них нападает ярость, которую они не знают, на кого излить. Бьют и издеваются над супругами или собственными детьми по большей части самые обыкновенные люди, лишённые садистских наклонностей.

Не стоит думать, что женщины – это всегда слабые, беззащитные жертвы. В половине случаев семейного насилия первый удар наносит женщина. В некоторых случаях это вынужденная оборона, но очень часто женщины сами все начинают. Женщины во многом сравнялись с мужчинами: так же пьют, так же агрессивны.

Например, в Англии за последние десять лет количество преступлений, совершаемых женщинами, увеличилось в полтора раза. Если нынешняя тенденция сохранится, то через двадцать лет уровень женской преступности сравняется с мужской. Опрос, проведенный в той же Англии, показал, что каждый пятый мужчина становится жертвой насилия со стороны женщин. И только каждая седьмая женщина пожаловалась, что ее бьет муж.

Женщины сильно переменились. Они пускают в ход кухонные ножи, колют мужчин спицами, ошпаривают кипятком и обливают кипящим маслом. Но мужчины стесняются об этом говорить. Им стыдно. Некоторые просто напуганы своими женами, впадающими в ярость. Иногда кажется, что некоторым женщинам нравится властвовать над мужчинами.

Академик Дмитриева:

– Женщине приходится стать более агрессивной, чтобы завоевать себе место в мире. Поэтому баланс бьющие жены – бьющие мужья складывается в пользу женщин.

Драки между женщинами происходят значительно чаще, чем это всегда считалось. Особенно часто выясняют отношения между собой молодые девушки, когда зов предков заставляет их схватываться в жестокой борьбе за мужчину. Ревность – чувство, которое выше самой крепкой дружбы между девушками, что бы ни говорили феминистки.

Женщины во многом сравнялись с мужчинами: так же много пьют, так же агрессивно занимаются сексом. Они становятся жесткими на работе, во взаимоотношениях с мужчинами. Когда убивает женщина, это производит особо гнетущее впечатление.

Врачи уверяют, что приступы жестокости у женщин связаны с особенностями их физиологии. В определенные дни некоторые из них не властны над собой. Только что женщина разговаривала спокойно и разумно, а в следующую минуту она хватается за кухонный нож и готова пырнуть им мужа.

Скептики говорят, что эта особенность женской физиологии не может быть оправданием серьезного насилия. Вспышки женского гнева, которые заканчиваются роковым образом, – часто результат неспособности справиться с огромным количеством проблем: на работе, дома, с детьми, с мужем. Но женщины в отличие от мужчин не хотят признаваться, что не справляются, и в минуту ослепления хватаются то за нож, то за пистолет.

Среди бьющих супругов много таких, кто в детстве сам страдал от жестокого обращения, кого бросили родители.

Часть общей проблемы внутрисемейного насилия – насилие над детьми. Родительская любовь считалась понятием незыблемым. Но калечат, избивают и мучают детей нередко их

собственные родители. Некоторые ведут настоящую войну между собой и против своих малышей. И, как в каждой войне, есть убитые и раненые. Чаще всего в этой войне гибнут дети.

Точной цифры не знает никто – многие случаи тщательно скрываются. Молчат врачи, молчат соседи, молчат сами жертвы. Избитые, напуганные, они все-таки остаются маленькими детьми, которые не знают, где искать помощи. Замыкаются и в каждом взрослом начинают видеть врага.

Статистика дает лишь малое представление о масштабах повседневной трагедии, которая разыгрывается в квартирах, напоминающих камеру пыток. Родительские побои и истязания, похоже, уносят больше детских жизней, чем все детские болезни, вместе взятые. Педиатры считают, что треть переломов костей у самых маленьких – результат избиений родителями. Нельзя без содрогания подумать о том, что стоит за этой цифрой: глухие звуки ударов, рвущий душу надрывный крик ребенка. Он даже не понимает, почему ему так больно.

Избиения продолжаются годами. Ребенок слабеет, заболевает, становится неуклюжим, неповоротливым, менее сообразительным, и это еще больше раздражает бьющих родителей. Страх остается на всю жизнь, рождает ущербное самосознание. Внешне это проявляется в неумении сосредоточиться, постоянном беспокойстве, ребенок не в состоянии усвоить учебный материал в школе.

В конце концов синдром избитого ребенка оборачивается либо глубокой депрессией, либо открытой агрессивностью. Первое зачастую толкает ребенка к самоубийству, второе приводит к преступлению. Дети без родительского присмотра и при отсутствии нормальной семейной жизни образуют уличные банды. Они создают вокруг себя субкультуру насилия, в которой каждое мерзкое действие порождает стремление сотворить нечто еще более мерзкое. В этой среде, чтобы прославиться, надо сделать что-то особо жестокое. Поэтому появляются новые малолетние преступники. Рано или поздно их ловят, судят, но в своей среде они остаются героями. Они отправляются в колонию, но друзья вспоминают о них с восторгом.

Может быть, преступные наклонности заложены генетически? Нет, убийцами не рождаются. Человека формируют среда, воспитание, поведение родителей.

Педагоги, психологи, и криминологи чувствуют себя беспомощными: всплеск детской преступности остается загадкой. Нет ни объяснений, ни рецептов, как быть. Что же происходит с детьми?

Дети воюют друг с другом. Подростки – с подростками. Причина взаимной ненависти – маленькие радости жизни. Одним они достаются в избытке, а другим остается только завидовать: дорогие кроссовки, модные куртки, телефоны и компьютеры. За новенький телефон могут и ножом пырнуть. По статистике, быстрее всего растет преступность среди тех, кому не исполнилось еще четырнадцати лет.

Иногда трудно понять: это еще игра или уже уголовное преступление? У детей это чаще всего неразделимо. Во время игры они переступают границу и совершают уголовно наказуемые деяния. Долгое время это казалось лишь болезнью роста. Вырастут – пройдет. Новейшие исследования показали: само собой зло не проходит. Детям с преступными наклонностями предстоит полноценная уголовная карьера.

Не очень ясно, какую роль играют телевидение, кино и видеоигры.

Одни психологи говорят, что детям нужны сказки, в том числе и жестокие. Это дает выход детской агрессии и приносит облегчение. Но иногда получается иначе – телевизионные чудовища становятся примером для подражания. Интернет и телевидение перевернули мир с ног на голову. Раньше актеры стремились играть как можно реальнее, сейчас люди в реальной жизни стараются подражать персонажам из фильмов. Еще опаснее видеоигры из Интернета, объединяющего единой сетью детские комнаты всего мира. Интернет проносит в дом такую вспышку насилия, перед которой бледнеет все, что нам известно из телевидения.

Впрочем, теперь уже ясно, что нет единой причины и всеобъемлющего объяснения детской преступности. По подсчетам социологов, примерно пятеро из каждых ста детей проявляют невиданные жестокость и безжалостность.

Современная наука сформировала модель агрессивного поведения. Прежде чем нанести удар, ребенок проходит через три этапа.

На первом – оценивается происходящее: полезно оно или вредно? Но агрессивные дети даже нейтральные события воспринимают как враждебные.

На втором этапе принимается решение: как реагировать? Быстро прокручиваются варианты поведения, пока не обнаруживается подходящий образец. Предпочтение отдается испытанным методам. Чем чаще ребенок реагирует агрессивно, тем больше вероятность включения отработанной программы.

На третьем этапе ребенок обращается к прошлому опыту, проверяя: помогала ли ему агрессивность добиться успеха или нет? Если у него были крупные неприятности, срабатывает команда «стоп». Кулак сжимается, но прячется за спину или в карман. Если ребенок уже перешагнул порог торможения, то он прикидывает чисто практически: выгодно ли ему насилие? Прямо здесь и сейчас? Чем он глупее и моложе, тем хуже представляет последствия своего поступка. Если успех кажется вероятным, дело доходит до преступления.

Из этой модели становится ясным одно. Срываются ли дети с тормозов, протекает ли в их умах и душах настоящая цепная реакция насилия или остается всего лишь нереализованной возможностью – это зависит прежде всего от родителей, их манер и привычек, от домашней атмосферы. Дети копируют взрослых, подражают им. Крепкие семьи, где родители ссорятся редко, способны корректировать поведение своего потомства.

Предоставлять злым детям свободу действий опасно. Терпимость только усиливает агрессивность. Агрессивных детей надо останавливать, а не гладить по головке. Особенно неудачен стиль воспитания, который специалисты называют «непостоянным». Ребенок, которого то наказывают, то хвалят, не в состоянии установить взаимосвязь между своим поведением и родительской реакцией.

От отчаяния юных правонарушителей сажают за решетку. В своих камерах они по ночам зовут на помощь мамочку, по-детски не понимая, для чего нужна тюрьма. Уголовное наказание молодых преступников редко приводит к исправлению. Дети за решеткой становятся не лучше, а только хуже. Воспитывают их там не надзиратели, а старшие по возрасту и более опытные заключенные. С этими навыками они возвращаются в наш мир.

Педагоги и криминалисты считают, что держать детей за решеткой – варварство. Но ничего другого не остается. Детская преступность загоняет нас в угол, признаются специалисты: мы беспомощны. Став взрослыми, они воспроизводят привычную систему отношений: родители-истязатели и дети-жертвы. Только роли меняются. Битые дети становятся бьющими родителями.

А ведь современное государство в состоянии защитить жертвы домашнего насилия. В частности, спасти детей и от побоев, и от последующего превращения в преступников. Конечно, это крайне деликатная тема. Но мы не одни живем на земле. В Западной Европе и Северной Америке выработана система и существуют социальные службы, которые заботятся о тех, чья семейная жизнь невыносима. Сначала супругам пытаются помочь понять друг друга и примириться. Не получилось воздействовать словом – нарушителя спокойствия штрафуют. Если продолжает буйствовать – бьющего супруга отправляют за решетку. А существует еще и незнакомое нам понятие психологического насилия, и от него тоже защищают...

Отличие западноевропейского или североамериканского подхода от нашего состоит в том, что они практичны и стараются все продумать до мелочей, а не ограничиваются разговорами о традиционных семейных ценностях и букетом цветов к 8 Марта.

Соппротивление сломлено

Сильвио Берлускони, который четырежды становился премьер-министром Италии, считает себя самым выдающимся политиком современности:

– Только Наполеон сделал больше, чем я. На мировой сцене нет никого, кто может со мной сравниться. Я – лучший политический лидер Европы и мира.

За широкой улыбкой кроется жесткий, целеустремленный и беспардонный человек. Однажды Берлускони рассказал свой любимый анекдот:

«Больной СПИДом спрашивает врача, помогут ли ему грязевые ванны. «Нет, – отвечает врач. – Нет, не помогут, но вы начнете привыкать к земле».

Сомнительная шутка вызвала возмущение. Берлускони раздраженно высказался о критиках:

– Я бы им тоже посоветовал грязевые ванны.

Для Берлускони не существует дипломатического протокола. Во время встречи руководителей стран Европейского союза он обратился к тогдашнему канцлеру Германии Герхарду Шрёдеру, который был четырежды женат:

– Герхард, у тебя большой опыт с женами. Посоветуй нам, как обращаться с женщинами.

Такого рода шутки – его любимые. Откликаясь на слухи о том, что у его собственной жены роман с бывшим мэром Венеции Массимо Каччари, он во время совместной пресс-конференции с тогдашним премьер-министром Дании Андерсом Расмуссеном весело заметил:

– Расмуссен – самый красивый глава правительства в Европе. Надо бы представить его моей жене, ведь он еще красивее, чем Массимо Каччари.

С первой женой Сильвио Берлускони познакомился на улице. Карла даль'Огглио стояла на автобусной остановке возле главного вокзала в Милане. Берлускони проходил мимо и не упустил своего счастья. Он остановился, познакомился и предложил ее подвезти. В марте 1965 года они поженились. Через год на свет появилась их дочь Мария Эльвира. Еще через два года Карла родила сына Пьера Сильвио. Оба заняли видное место в отцовском бизнесе. Обоими интересуется прокуратура.

Берлускони считался преданным семьянином. Но в 1980 году он познакомился с актрисой из Болоньи Мириам Бартолини, ее сценический псевдоним – Вероника Ларио. Первый совместный ребенок Барбара родилась в 1984 году в Швейцарии. Только на следующий год Берлускони развелся с первой женой. Но вступать в новый брак не спешил. У них с Вероникой появилось еще двое детей, лишь после этого они поженились.

Все знают, что Берлускони богат, но истинные масштабы его состояния неизвестны.

– Я хочу быть премьер-министром не ради власти, – неизменно говорил он. – У меня есть дома по всему миру, мне принадлежат огромные суда, прекрасные самолеты, у меня красивая жена, славные дети... Если хотите знать, я совершаю самопожертвование во имя родины.

Берлускони хочет выглядеть моложе и сделал себе косметическую операцию. Его личный врач заявил, что тот в отличной форме и значительно моложе своего реального возраста.

– Медицина, биология, хирургия, – говорит он, – творят чудеса. И главные чудеса еще впереди.

Берлускони гордо отвечал на все обвинения:

– Я Иисус Христос в политике. Я терпеливая жертва. Я со всем смиряюсь. Я жертвую собой ради других.

Итальянские прокуроры много раз надеялись посадить Берлускони за финансовые махинации. Возбуждали уголовные дела по обвинению в финансовых махинациях и коррупции. Но до тюрьмы дело не дошло. Его или оправдывали, или обвинительный приговор отменял суд

высшей инстанции. Судьи не в силах отправить за решетку самого богатого и влиятельного человека в стране.

Когда-то перед очередными выборами он пообещал не заниматься сексом до дня голосования и оказался фаворитом опроса «кого вы считаете лучшим любовником», проведенного среди итальянок. И звезда порнофильмов Илона Сталлер, известная под псевдонимом Чиччолина, внесла свою лепту в его избирательную кампанию. Чиччолина, которая пять лет была депутатом парламента, рассказала, что лет сорок назад славно отдохнула в кампании с Берлускони на островах в Греции. Ему это нисколько не повредило! Напротив: Берлускони особенно рассчитывал на женщин-избирательниц. У него всегда были поклонницы, которые видели в нем идеального мужа, идеального сына, идеального зятя, успешного и надежного человека. И ему многое прощали.

Теперь это невозможно!

Министр иностранных дел Англии Робин Кук, колоритный и незаурядный политик, совсем не был похож на традиционных британских дипломатов, чопорных и осторожных. Ненавидел низкопоклонство и лесть. Человек живой, искренний, откровенный – и в политике, и в жизни.

Однажды его заместителю понадобилось срочно посоветоваться с боссом. Приемная была пуста. Зам решил, что министр диктует секретарю, и вошел в кабинет, не постучав. Через минуту он вылетел из кабинета весь красный. Министр расположился со своей секретаршей прямо на ковре.

– Они увидели меня, – жаловался заместитель министра своему коллеге, – но не остановились.

Британские служащие прекрасно осведомлены о любовных романах, которые завязываются в коридорах власти. Но они хранят верность своим боссам, а не спешат поведать чужие секреты журналистам и независимым прокурорам. Министр ничего утаить не может. Его секретари знают, кто ему звонит по личным делам и куда он исчезает. Время от времени министру нужно сбежать с работы, чтобы постричься, навестить врача или любовницу. Его преданные помощники делают все, чтобы никто не узнал, где министр и чем он занимается. Но они сами должны знать, как его отыскать, если случится нечто чрезвычайное или если его начнет искать жена или сам премьер-министр.

Не повезло только министру иностранных дел Робину Куку. Его личная помощница не стала хранить интимные тайны своего босса. Ее нанял по контракту предшественник Кука, и ее не успели воспитать в духе верности и преданности боссу.

По словам его бывшей жены, министр в кризисной ситуации вел себя как маленький ребенок. Маргарет Кук утверждала, что именно ее нежелание играть роль жены-матери, в объятиях которой неуверенный в себе муж в трудную минуту ищет утешения, и разрушило их брак. Она называла бывшего мужа эмоционально незрелым искателем приключений. Говорила, что министру пора стать взрослым. Он и стал, признавшись ей, что любит другую.

Министр сказал, что ему жаль причинять ей дополнительные неприятности, но у него роман с другой женщиной, тренером по конному спорту. Робин Кук увлекается не только женщинами, но и лошадьми. Даже регулярно писал о скачках в одной шотландской газете. Увлечение женщинами и скачками не отвлекало его от политики. В юности он собирался стать проповедником, но в девятнадцать лет утратил веру. Он защитил диссертацию по английской литературе. В юности выступал против НАТО и ядерного оружия. Зарабатывал на жизнь журналистикой.

Успех в политике совпал с удачей в личной жизни – у него начался счастливый роман с личной секретаршей. Но увлечение стало достоянием гласности. Пресс-секретарь премьер-министра позвонил Робину Куку и объяснил, что министру позволено любить только

одну женщину. Робин Кук оставил жену и женился на молодой секретарше. Но с министерским креслом ему все равно пришлось расстаться.

Вот еще одна громкая история, характерная для нового времени.

ДСК – так его называли в своем кругу.

Но это не домостроительный комбинат и не дачностроительный кооператив.

Доминик Стресс-Кан, профессор экономики, был депутатом национального собрания Франции, в разных кабинетах становился министром. Он выдающийся экономист, а общество истосковалось по компетентным специалистам, знатокам своего дела.

В 2007 году его утвердили главой Международного валютного фонда. В 2012 году социалистическая партия Франции намеревалась выдвинуть его кандидатом в президенты. Он выражал интересы и надежды левых. Франции нужен был сильный кандидат от левых. Опрос общественного мнения показал, что восемьдесят процентов французов уверены: он был бы отличным президентом. Но вместо президентского дворца он оказался на скамье подсудимых. По обвинениям, которые прежде сочли бы пустяковыми.

В мае 2011 года карьера Доминика Стресс-Кана рухнула. Горничная пятизвездочного нью-йоркского отеля обвинила его в изнасиловании. Его арестовали и в наручниках привели в зал суда. Американское правосудие не знает снисхождения к сильным мира сего. Судья отказался выпустить его под залог, потому что боялся, что он уедет во Францию, с которой у Соединенных Штатов нет соглашения о выдаче преступников, и отправил в тюрьму одного из самых влиятельных финансистов мира. Его поместили в одиночку.

Пресса поспешила признать его виновным. Но прокуратура усомнилась в показаниях горничной. Обвинения были сняты. А когда стало ясно, что горничная врет, дело прекратили. Но теперь в родной Франции в бывшего министра и бывшего руководителя Международного валютного фонда вцепились полицейские и прокуроры.

Его обвинили в том, что он использовал свое служебное положение, чтобы добиться расположения своей подчиненной по МВФ, в том, что он участвовал в секс-вечеринках для высокопоставленных лиц, куда приводили проституток. Человек, чью фотографию поместил на обложке американский журнал «Ньюсуик», человек, которого называли спасителем мировой финансовой системы, оказался на скамье подсудимых рядом со сводниками и сутенерами.

Он вполне мог стать президентом страны. И многие искренне сожалеют, что этого не случилось. Но судебный процесс над ним помог увидеть тайную сторону мужской шовинистской культуры, где люди у власти развлекаются как хотят.

Раньше во Франции личная жизнь политика была закрыта от публики. Теперь табу больше не существует. Сексуальные пристрастия Стресс-Кана обсуждались по всей стране. И до истории в Нью-Йорке все знали, что ДСК ведет развеселую жизнь, но теперь все желали заглянуть в скважину и посмотреть, что делается в спальнях сильных мира сего.

Суд его оправдал. Но скандалы лишили Стресс-Кана высокой должности, вышибли из политики. Он развелся со своей гламурной женой. Вообще потерял очень многое.

Его пример – другим наука. Ему, конечно же, не хватало осторожности. Никто не заставляет становиться политиком. Но тем, кто выбирает эту карьеру, приходится кое в чем себя ограничивать. И иначе относиться к женщинам.

Прежде французов больше раздражал министр, который не платит налоги, чем министр, который спит с проститутками. Все изменилось. Женщины получили право решающего голоса.

Первыми право избирать обрели женщины в американском штате Вайоминг (1869 год), в Новой Зеландии (1893 год), в Австралии (1902 год) и великом княжестве Финляндском (1906 год), которое было частью Российской империи. Последними – женщины Саудовской Аравии, им пришлось ждать до 2011 года.

С 1960 года в сорока девяти странах, как минимум, одну женщину выбирали, чтобы она руководила государством. В Европе женщины приходили к власти без помощи влиятельных родственников.

Когда Маргарет Тэтчер стала премьер-министром Великобритании, лондонские газеты писали: «Это маленький шаг для Маргарет, но огромный шаг для женщин всего мира». Ей хотелось доказать, что ей под силу все, на что способны мужчины. Общество восхищалось ее силой, но жаждало увидеть следы тщательно скрываемой женской слабости. Она говорила:

– Если вам нужен кто-то слабый, то я вам не подхожу.

Ей явно нравилось унижать мужчин и доказывать превосходство женщин:

– Если нужно произнести речь, поручите это мужчине. Если нужно что-то сделать, обращайтесь к женщине.

При этом она недолюбливала женщин. Женщины не всегда склонны помогать друг другу. Достижение высокого поста вовсе не спешат продвигать других женщин. Маргарет Тэтчер не продвигала их на высокие посты, напротив, советовала оставаться матерями и домохозяйками. За одиннадцать лет назначила министром только одну женщину. Предпочитала оставаться в мужском обществе. Ей хотелось, чтобы все уверились в превосходстве женщин, но она желала быть единственной женщиной, которой восхищаются.

Что мешало женским карьерам? Трудно играть одновременно три роли – большого начальника, жены и матери.

Женщины, прорвавшиеся наверх, порой управляют со своими делами лучше мужчин. Но забота о детях все равно лежит на женщинах, и это становится непреодолимой преградой для их карьеры. Деловые женщины находятся в состоянии постоянного стресса – они рано встают, отводят детей в школу, а потом бегут на работу, которая поглощает все их силы. Поздно вечером деловая женщина спешит домой, чтобы посидеть с детьми, но на самом деле она ничего не может для них сделать. Она опустошена работой.

Вот почему, как правило, личная жизнь у карьерных дам не ладилась. Перед ними стоял выбор: или карьера, или личное счастье. Если амбициозная женщина намеревалась сделать карьеру, она оставалась без детей и без семьи – в традиционном смысле этого слова. Женщины больше не хотят быть образцовыми и деловыми, которые все успевают в ущерб личной жизни.

Роль матери и домохозяйки, которая отвергалась феминистками, вновь становится вполне достойной и даже завидной. Несколько лет назад это казалось трудным выбором – все вокруг делают карьеру, а ты просто мама. Но теперь выясняется, что дети того стоят, а те, кто всю жизнь занимался только карьерой, встречают зрелые годы без детей и несложившейся семьи.

Женщины хотят иметь и детей, и любимого мужа, и полноценную семью, и делать карьеру. Ныне это возможно. Перед женщинами открылись большие возможности. Они прекрасно учатся и добиваются успеха на работе, а технический прогресс облегчает бытовые заботы. Портрет деловой женщины – чемоданчик с бумагами в одной руке, ребенок в другой – становится реальностью. Многие женщины счастливы, совмещая блестящую карьеру с семейной жизнью. Не в малой степени потому, что современные мужчины изменились, мужья помогают женам.

Не только в самых передовых странах Северной Европы женщины добиваются от мужчин полного партнерства – и в спальне, и на кухне, и даже в детской комнате. Пример тому – Тони Блэр, недавний премьер-министр Великобритании. Он – преданный отец. Когда Тони Блэр был еще членом парламента, то пользовался предоставленной депутатам-родителям возможностью уходить из парламента пораньше, чтобы посидеть с детьми. Его жена Шери родила еще одного ребенка, когда Тони уже возглавлял правительство.

После родов Шери быстро вернулась к юридической практике. Когда она уезжала из Лондона, Тони приходилось вставать ночью, если ребенок начинал плакать. А в шесть утра он

уже опять принимался за работу. Он вел себя как современный муж, деля с женой все домашние обязанности, и это было достойно уважения. Но он очень уставал. Его помощники роптали: все-таки он должен руководить страной. Тони помощников не слушал и не давал себе поблажки.

Теперь муж берет отпуск и сидит с детьми, предоставив возможность своей успешной жене делать карьеру. Муж сидит дома, ведет хозяйство, готовит, воспитывает детей и самое важное экономическое решение, которое он принимает, – это сколько пирожных купить к приходу гостей:

– Теперь моя очередь облегчить жизнь жене. И мне нравится эта роль. Это вопрос приоритетов. Главное, что мы можем дать семье, – любовь, чувства, заботу. Важно то, что идет семье на пользу.

Женщины, которые пробились на высшие посты в ведущих государствах, определяют судьбу не только своих стран, но и всего мира. Причем это женщины, которые пробились наверх отнюдь не благодаря особым отношениям со своими мужчинами. Постель не была для них стартовой площадкой.

Женщины становятся министрами обороны. Занимают должности, прежде зарезервированные за мужчинами. Женщины набирают вес в парламентах. Сейчас в мире женщины-депутаты составляют примерно двадцать три процента всех парламентариев, в два раза больше, чем двадцать лет назад. Они изменили привычный образ женщины-политика, которая может заниматься только здравоохранением или образованием. Они входят в комитеты по вооруженным силам, а это же гнездо мужчин-ястребов.

Чего избиратели хотят от женщин в политике?

Элеонора Рузвельт, жена выдающегося американского президента Франклина Рузвельта, всегда говорила, что мужчины идут в политику ради победы на выборах, а женщины – для того чтобы изменить мир. Но при этом повторяла, что женщина, занимающаяся политикой, должна обладать такой же толстой кожей, как у носорога...

Но никто не ожидает, что женщина полностью сменит курс и поведет страну в совершенно новом направлении. Считается, что женщина-политик меньше поддается идеологическим догмам и больше сконцентрирована на решении проблем.

Сами женщины, сделавшие карьеру, привыкли к тому, что они должны быть похожи на мужчин, а не на других женщин. Говорят, что женщина, если она хочет сделать карьеру в политике или дипломатии, должна обладать стальной волей, быть железной леди и приносить свою женственность в жертву делу. Жаль, если это так. Интересная женщина явно многого может добиться во внешней политике, во всяком случае в смысле завоевания друзей.

Едва ли существуют какие-то особые женские качества, которые необходимы политике. По характеру успешные женщины-политики ничем не отличаются от политиков-мужчин. Говоря проще: женщины занимают высокие посты не потому, что они женщины, а потому, что они этого достойны.

– В современном мире доминируют мужчины, – отмечает генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш, – причем это касается как правительств и государственных органов, так и частных и международных организаций, таких как ООН. Таким образом, главный вопрос гендерного равенства – это вопрос о власти. И поэтому нашей главной задачей является дать власть женщинам.

На самом деле ситуация выглядит иначе. Женщины сами берут власть.

Часть первая

В главной роли и в тени

В России мужчины высоко ценят женские достоинства, но к появлению женщин на высших должностях в нашей стране не привыкли. Принято считать, что женщин выдвигают для представительства, а не потому, что они заслужили это назначение. В отечественной политической истории женщин на высоких постах было очень немного. И в основном в эпоху революции.

Самая яркая фигура той эпохи – Александра Михайловна Коллонтай. Она – первая женщина-министр и первая женщина-посол в истории России.

В бытность ее послом в одной стране премьер-министр, когда она заводи́ла разговор о щекотливых материях, ловко переводил разговор:

– Мадам Коллонтай, какое у вас сегодня красивое платье. Оно вам очень идет.

– Послушайте, господин премьер-министр, – отвечала она. – Я и вчера была в этом же платье.

– Это не мешает ему быть очаровательным.

И Коллонтай не могла его сдвинуть с этой темы...

Она использовала свой министерский пост, для того чтобы дать женщинам свободу. И своим примером неустанно доказывала, что женщина должна и может добиться равенства с мужчинами – в карьере, в браке, в постели.

Она была одной из десяти женщин, получивших мандаты первого в истории России свободно избранного парламента. В 1917 году в Учредительное собрание прошли шесть эсеров и четыре большевички. Всего один процент от общего числа депутатов, если удовлетвориться простой арифметикой. Но историки справедливо говорят о колоссальном сдвиге в российском обществе. Ведь в 1917 году женщины не избирали и не избирались ни в одной из европейских стран!

А когда революция кончилась, выяснилось, что большевики по-прежнему считали политику исключительно своим делом. Тоталитарное государство не могло не проповедовать патриархальные взгляды: обязанность женщины – работать и рожать. Реальная эмансипация женщины отвергалась. Появилась когорта женщин – профессиональных партийных работников, но они не радовали сердце: скучные партсекретари, еще большие догматики, чем мужчины.

При Сталине в политбюро не было ни одной женщины. Вождь считал, что с руководящей работой в состоянии справляться только крепкие мужчины. Да и нравы в правящей верхушке были грубые. В выражениях не стеснялись. Присутствие женщины в такой компании показалось бы странным.

Хрущев включил было в состав президиума ЦК Екатерину Алексеевну Фурцеву, да скоро в ней разочаровался. Брежнев очень любил женщин, но на высокие посты их не назначал. Галантные Горбачев и Ельцин демонстрировали дамам восхищение и подыскивали им должности – заметные, но не влиятельные.

Женщинам выделяется некая квота – один высокий пост и несколько должностей чиновников средней руки. И чаще всего не потому, что есть очевидно деловые и умелые кандидатки, которых надо продвигать в интересах дела, а потому, что так положено – посадить в президиум хотя бы одну женщину. Наша власть – чисто мужская компания.

Мужчины на ее пути. Александра Коллонтай

«Жили мы на Большой Фонтанке, в нарядной вилле какого-то бежавшего с белыми богача. Ночь, томительно-жаркая южная ночь. Удушливо-сладко пахнут розы нашего сада. Лучи луны золотом играют в темных волнах Черного моря и алмазами рассыпаются в брызгах морской пены.

Мучительно-повторное объяснение между мной и мужем происходило в саду. Мое последнее и решительное слово сказано:

– В среду я уезжаю в Москву.

Ухожу от него, от мужа, навсегда. Он быстро повернулся ко мне спиной и молча зашагал к дому. Четко прозвучал выстрел в ночной тишине удушливой ночи. Я интуитивно поняла, что означает этот звук, и охваченная ужасом, кинулась к дому... На террасе лежал он, мой муж, с револьвером в руке».

Так рухнул самый романтический брак эпохи революции, союз, объединивший двух министров первого советского правительства, первый брак, заключенный вне церкви и вне государства, казавшийся образцом свободной любви свободных граждан нового общества.

О романе Коллонтай и Дыбенко шушукались по всему городу. Она была дворянкой, дочерью генерала, он – простым матросом из крестьян. Александре Михайловне было сорок пять лет, Павлу Дыбенко – двадцать восемь. Разница в возрасте их несколько не смущала.

Павел Ефимович Дыбенко в юности работал грузчиком в порту и скрывался от призыва. Но его арестовали и отправили служить на флот. Свободолюбивая, или, точнее, анархистская натура Дыбенко не принимала суровой флотской дисциплины. И он присоединился к тем, кто намеревался разрушить всю существующую систему, – к большевикам.

Высокий рост, зычный голос, умение выступать и увлекать за собой сделали его заметной фигурой среди балтийцев. В мае 1917 года его избрали председателем высшего выборного коллектива военных моряков – Центрального комитета Балтийского флота.

Александра Михайловна Коллонтай, член ЦК большевистской партии и член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, с первого взгляда влюбилась в матроса-балтийца. Она нашла мужчину, которого искала всю жизнь. Инженеры, ученые, профессиональные революционеры, все, кто прошел через ее постель, могли только красиво говорить. А он умел любить женщину:

«Люблю в нем сочетание крепкой воли и беспощадности, заставляющее видеть в нем «жестокое, страшное Дыбенко»... Это человек, у которого преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия... Наши встречи всегда были радостью через край, наши расставания полны были мук, эмоций, разрывающих сердце. Вот эта сила чувств, умение пережить полно, сильно, мощно влекли к Павлу...»

Матрос Дыбенко с его скудным образованием и малым жизненным опытом, надо полагать, немало почерпнул у этой утонченной и искушенной женщины. После Октябрьской революции его включили в состав Совета народных комиссаров и поручили ему командовать Военно-морским флотом России. Двадцативосьмилетний Дыбенко оказался самым молодым наркомом в первом советском правительстве.

Александра Коллонтай тоже вошла в правительство – народным комиссаром государственного призрения. Они несколько не стеснялись своих отношений. Накал политических страстей только усиливал их любовные чувства. Ночи любви проходили под возбуждающий аккомпанемент стрельбы, звона разбитых витрин и чьих-то криков. Они оба были склонны к красивым жестам и драматическим фразам. Коллонтай, знакомая с ужасами войны лишь понаслышке, с горящими глазами декламировала:

– Какой это красивый конец, смерть в бою. Да, это то, что нужно делать: победить или умереть...

Министрами Коллонтай и Дыбенко оставались недолго. После того как большевики отказались подписать мир с Германией, 18 февраля 1918 года немецкие войска перешли в наступление. На борьбу с немцами бросили 1-й Северный летучий отряд революционных моряков. Командовал отрядом Павел Дыбенко. Прибыв на фронт, brave балтийцы захватили цистерну со спиртом. В первом же бою моряки понесли большие потери и бросили фронт. Возмущенный Ленин приказал снять Дыбенко с поста наркома и арестовать.

Страсть Коллонтай к любимому мужчине была сильнее ее любви к революции. Она бросилась на защиту Дыбенко. Писала ему в тюрьму:

«Вся душа моя, сердце, мысли мои, все с тобою и для тебя, мой ненаглядный, мой безгранично любимый. Знай – жить я могу и буду только с тобой, – без тебя жизнь мертва, невыносима... Будь горд и уверен в себе, ты можешь высоко держать голову, никогда клевета не запятнает твоего красивого, чистого, благородного облика».

Ради Дыбенко она рискнула всем и потеряла почти все. Но такова была ее страстная натура. Не зря же мужчины влюблялись в нее без памяти.

«Бедная Коллонтай, – писал сотрудник французской военной миссии в России Жак Садуль. – Она безумно влюблена в своего прекрасного Дыбенко и совершает в последнее время одну нелепость за другой... Она отчаянно кинулась в оппозицию».

Александра Коллонтай была младшим ребенком в семье инспектора Николаевского кавалерийского училища генерала Михаила Алексеевича Домонтовича. Для ее матери Александры Алексеевны Масалиной это был второй брак. Шура появилась на свет в результате романтической истории.

«Мой отец впервые встретил мою мать в Итальянской опере. Но моя мать была внучка финского крестьянина. Мой дедушка был гордый человек и не позволял, чтобы легкомысленные гвардейские офицеры ухаживали за его красивыми дочерьми. Он нашел для моей матери другого мужа. Только через несколько лет мои родители снова встретились на балу. Они с первого взгляда страстно влюбились друг в друга, и мама настояла на разводе, что в то время было крайне трудным делом».

Между прочим, первый муж ее матери инженер Константин Мравинский был обвинен в соучастии в покушении на императора Александра II и осужден. Обвинение оказалось ложным.

От первого брака у Александры Алексеевны было трое детей: Александр Мравинский (его сын Евгений станет известным дирижером), Адель и Евгения. Женя прекрасно пела и стала примой в Мариинском театре.

«Вскоре Женя вышла замуж. Не столько по любви, сколько чтобы оградить себя от назойливых поклонников. Муж ее был гвардейский офицер, но начальство предложило ему покинуть полк. Гвардейский офицер не мог быть женат на актрисе».

Замужество не по любви, а по расчету возмущало юную Шурочку. Ее представления о жизни были очень наивными:

«Любить? Что значит любить? Вот Мими любит дядю Леню, а выходит за Васю. Замужество? После истории с Мими я гоню всякую мысль о замужестве. Гадостно...

Сестры спят в одной комнате с мужьями, а папа с мамой – в одной постели. Мучительно стыдно за них, и особенно обидно за маму и папу. Если я выйду замуж, буду жить с мужем в разных комнатах».

Ее крестным отцом стал генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров, крупный военачальник и военный теоретик. Сын генерала Драгомирова Иван, безнадежно влюбленный в очаровательную Шурочку, пустил себе пулю в лоб. Он стал первым в длинном ряду мужчин,

которые буквально сходили с ума от любви к Александре Михайловне. Причем она продолжала покорять сердца молодых мужчин далеко не в юном возрасте.

Она бегло говорила по-английски, по-французски и по-немецки. Много читала и мечтала стать писательницей.

– Не знаю, право, что из Шуры выйдет, – часто огорчалась мама. – Ни к чему ее не приучишь. К хозяйству нет терпения, шить и вышивать не любит, даже в куклы не умеет играть. Шура не капризная, но в ней сидит двойное упрямство – чухонское да хохлацкое. Сколько раз я ей запрещала рыться в книгах у бабушки в кабинете. Чуть не досмотришь – она там.

Шурочка росла чувствительным ребенком, склонным к состраданию и жалости. В ней жило врожденное чувство справедливости и протест против социального неравенства. Но это не мешало ей наслаждаться жизнью.

«За роялем тапер уже выстукивает веселую польку. Наскоро приседаю перед хозяйкой дома и уже несусь по паркету с первым подхватившим меня кавалером.

– Ужинать, дети, ужинать! – прерывает танцы голос хозяйки.

В столовой бутерброды с толстыми ломтями холодного ростбифа, с жирной грудкой рябчика, пахнувшего кедровыми орешками. Бланманже и кремы в виде башен на шоколадном пьедестале, стаканы холодного клюквенного морса, приятно-кисленького, или миндальный напиток – оршад. К мороженому рюмка приторно-сладкого вина «Мускат-Люнель». Лихие звуки мазурки призывают снова в танцевальный зал...»

Первым руки Александры попросил адъютант императора Александра III генерал Туттолмин. Она отказала. Влюбилась в троюродного брата – Владимира Людвиговича Коллонтая, военного инженера.

«Два года я боролась с родителями, чтобы получить их согласие на брак с красивым и веселым Коллонтаем. Он необыкновенно хорошо танцевал мазурку и умел веселить и смешить нас в течение целого вечера».

Коллонтай бесконечно любил жену, но Александре Михайловне хотелось свободы. Она не желала быть просто женой, которая сидит дома и ждет, когда муж придет с работы:

«Хозяйство меня совсем не интересовало, а за сыном могла очень хорошо присматривать няня».

Отношения с мужем показались слишком пресными. У нее возник роман на стороне, и они разошлись. Александра Михайловна уехала за границу в Швейцарию и поступила учиться. Она посвятила себя движению за равноправие женщин, перезнакомилась со всеми известными социал-демократами Европы. Среди ее любовников называют виднейших революционеров того времени.

На международной конференции социалисток в 1910 году Александра Коллонтай и Клара Цеткин добились решения праздновать 8 марта как день солидарности всех женщин в борьбе за свои права – в память о демонстрации работниц нью-йоркских предприятий текстильной промышленности, проведенной 8 марта 1857 года.

Клара Айснер, дочь сельского учителя, родилась в саксонском городке Видерау, увлекалась Шиллером и Гёте. Юной девушкой вступила в социал-демократическую партию Германии. И связала свою жизнь с революционером из России Осипом Цеткиным (он рано умер от туберкулеза). Она издавала в Штутгарте газету для женщин, в 1907 году возглавила женский отдел партии. В 1918 году Клара Цеткин вступила в только что созданную коммунистическую партию Германии. С 1920 года избиралась депутатом рейхстага. Умерла в год, когда нацисты пришли к власти, – в июне 1933 года. Она лечилась в Советском Союзе, и захоронили ее в Кремлевской стене...

Александра Коллонтай встречала вернувшегося из эмиграции Ленина на Финляндском вокзале в Петрограде 3 апреля 1917 года. Она вручила Ленину букет цветов, с которыми тот не знал, что делать. Коллонтай пожала ему руку, но кто-то сказал:

– Да хоть поцелуйтесь с Ильичом!

За неукротимый темперамент ее называли «валькирией революции»:

«Выступление за выступлением. Говорю то на Марсовом поле, то на площадях с грузовиков, с броневи́ка или на чьих-то плечах. Говорю хорошо, зажигающее и понятно. Женщины плачут, а солдаты перебегают от трибуны к трибуне, чтобы еще раз послушать «эту самую Коллонтай». Под моросящим дождем митинг возобновляется. Я говорю на чьих-то услужливо подставленных коленях, опираясь о чье-то плечо. И снова растет, поднимается волна энтузиазма...»

Когда большевики взяли власть, ее назначили наркомом государственного призрения. Это забытое ныне слово означало нечто вроде социального обеспечения. В ее руках оказалось огромное хозяйство:

«Это и приюты, и инвалиды войны, и протезные мастерские, и больницы, и санатории, и колонии для прокаженных, и воспитательные дома, и институты девиц, и дома для слепых».

Усилиями Коллонтай после революции были приняты два важнейших декрета. Один – о гражданском браке, который заменял брак церковный, устанавливал равенство супругов и уравнивал в правах внебрачных детей с законнорожденными. Второй декрет упрощал процедуру развода, который теперь без труда мог получить любой из супругов. Эти законы были куда прогрессивнее, чем в большинстве европейских стран.

«Мне попала́сь книга Коллонтай «Мораль и рабочий класс», – вспоминала Маргарита Ивановна Рудомино, создатель Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. – Я поняла, что брак – это что-то нужное и честное, что он должен заключаться по любви... Мораль Коллонтай – жить в браке на свободных началах. Но вместе с тем быть верными супругами. Это самое главное. Но в чем свобода? Коллонтай проповедовала однолюбие, но свободное – жить отдельно, но быть верными супругами, а детей отдавать в детские сады или совместно воспитывать, не иметь общих денег, одной кухни, что, по Коллонтай, портит жизнь».

В своем наркомате она создала отдел охраны материнства и младенчества, обещая полноценную медицинскую помощь всем будущим матерям за государственный счет.

Благодаря Коллонтай аборт перестали считать преступлением:

«Я с увлечением рассказывала, какие благоприятные результаты принесло нам проведение закона, допускающего аборты. Во-первых, уменьшилось количество женских заболеваний от варварским образом проведенных нелегально абортов, во-вторых, уменьшилось число детоубийств, совершаемых чаще всего одинокими, брошенными женщинами».

В политике она оставалась такой же неукротимой и независимой. Коллонтай выступила против Брестского мира с немцами и подала в отставку с поста наркома. В ЦК ее больше не избрали, она гордо покинула Москву и последовала за своим любимым Дыбенко, который вступил в Красную армию и воевал на юге страны.

Коллонтай назначили председателем политуправления Крымской республики, но в тот момент большевиков выбили из Крыма. Утвердили наркомом пропаганды и агитации Украины, но через два месяца пришлось бежать из Киева. Она вернулась в Москву. В большевистском руководстве она считала себя женщиной номер один. Но вместе с Лениным из эмиграции приехала Инесса Федоровна Арманд и стала самой влиятельной женщиной в Москве – в силу особых, личных отношений с вождем.

В 1921 году вместе с недавним наркомом труда Александром Гавриловичем Шляпниковым Коллонтай выступила против бюрократизма в партии. Считается, что и Шляпников был до революции ее любовником. В историю их выступление вошло как знаменитая «Рабочая оппозиция». На съезде Ленин заклеил «Рабочую оппозицию».

Коллонтай широким жестом попросила освободить ее от работы в ЦК и предоставить отпуск для литературной работы. Она уехала к мужу. Дыбенко с трудом окончил военную академию и был назначен командиром и комиссаром 6-го стрелкового корпуса в Одессе.

Он занял большой особняк, обставил его дорогой мебелью и коврами и устраивал гулянки. Павел Ефимович просто не знал, что такое супружеская верность. Сама Александра Михайловна бросала мужчин, но ей еще никто не изменял.

Известный всему городу роман с одной из его пассий Валентиной Стефеловской стал поводом для выяснения отношений. Коллонтай не желала быть второй. Но и импульсивный Дыбенко не ожидал, что Коллонтай найдет в себе силы расстаться с ним. Он выстрелил в себя.

«Павел лежал на каменном полу, по френчу текла струйка крови, – вспоминала Коллонтай. – Павел остался жив. Орден Красного Знамени отклонил пулю, и она прошла мимо сердца».

Александре Коллонтай было пятьдесят лет. Измена Павла, ради которого она пожертвовала всем, была первым звоночком. Больше мужчины не станут из-за нее стреляться. Но она не собиралась ставить на себе крест. Она должна пересмотреть свою жизнь:

«Голова моя гордо поднята, и нет в моих глазах просящего взгляда женщины, которая цепляется за уходящее чувство мужчины... Хочу разработать тему об отрыве любви от биологии, от сексуальности, о перевоспитании чувств и эмоций».

В большую политику ей хода нет. Ленин ее не любит – она дважды вставала к нему в оппозицию. В феврале 1922 года Коллонтай передала в исполком Коминтерна заявление двадцати двух бывших членов «рабочей оппозиции» с требованием прекратить репрессии против инакомыслящих в партии. XI съезд осудил заявление и предупредил Шляпникова и Коллонтай, что если они продолжат антипартийную деятельность, то будут исключены из партии.

Понимая, что ей нужно вырваться из этой жизни, она попросилась на заграничную работу. Она знает иностранные языки, жила за границей, у нее много видных знакомых за рубежом. Но в исполкоме Коминтерна хозяин – Григорий Евсеевич Зиновьев, старый друг и соратник Ленина. К тому же в Коминтерне есть своя гранд-дама – жена Зиновьева Зинаида Лилина.

Коллонтай обратилась за помощью к новому генеральному секретарю ЦК партии Сталину, с которым у нее сложились неплохие отношения. Сталин нуждался в сторонниках и благожелательно отнесся к просьбе Коллонтай, все еще очень популярной в стране. Осенью 1922 года ее отправили советником в полпредство в Норвегии.

По дороге она записывала в дневнике:

«Грустно мне сознавать, что я уже не вернусь на свою любимую работу среди трудящихся женщин, что порвутся дорогие мне связи с тысячами советских гражданок, которые встречали меня возгласами энтузиазма: «Вот она, наша Коллонтай!» Ну вот, я и на территории капиталистической Финляндии с ее духом белогвардейщины. За стеной полпредства враждебный нам мир... Первое, что я сделала, – это купила себе две пары туфель, такие легкие, красивые и по ноге».

Когда-то молодая революционерка Александра Коллонтай, направлявшаяся на пароходе в Америку, чтобы агитировать американцев за социализм, гневно писала:

«Ненавижу этих сытых, праздных, самовлюбленных пассажиров первого класса! Таких чужих по духу! Ненавижу эту бестолковую, праздную жизнь, убивание времени на еду, пустую болтовню, какие-то маскарады, концерты».

Прошли годы, и Коллонтай откровенно наслаждалась комфортом на шведском пароходе:

«Длинный, во всю столовую каюту стол, уставленный закусками. Целые пирамиды разных сортов шведского хлеба, селедки со всякими приправами, блюда горячего отварного картофеля, покрытого салфеткой, чтобы не остыл, копченая оленина, соленая ярко-красная лососина, окорок копченый и окорок отварной с горошком, тонкие ломтики холодного ростбифа, а рядом сковорода с горячими круглыми биточками, креветки, таких крупных нет и в Норман-

дии, блюда с холодными рябчиками, паштеты из дичи, целая шеренга сыров на всякие вкусы, к ним галеты и на стеклянной подставке шарики замороженного сливочного масла.

И за все эти яства единая цена за завтрак, ешь сколько хочешь. Если блюда на столе опустеют, их пополняют. Таков обычай в Швеции».

Отправившись на работу за границу, Коллонтай захлопнула за собой дверь в прошлую жизнь. Но оторваться от Дыбенко оказалось не так просто. Она делилась с ближайшей подругой:

«Мой муж стал засыпать меня телеграммами и письмами, полными жалоб на свое душевное одиночество, что я несправедливо порвала с ним, что случайная ошибка, «мимолетная связь» не может, не должна повлиять на чувства глубокой привязанности и товарищества...

Письма были такие нежные, трогательные, что я уже начала сомневаться в правильности своего решения разойтись с Павлом. И вот явилась моя секретарша. Она рассказала, что Павел вовсе не одинок. Когда его корпус перевели из Одесского округа в Могилев, он захватил с собою «красивую девушку» и она там живет у него. Павел заказал на мое имя и будто бы по моему поручению всякого рода женского барахла – сапоги, белье, шелковый отрез и бог знает что еще. Все это для «красивой девушки» под прикрытием имени Коллонтай.

Я возмутилась и написала письмо в ЦК партии, прося их не связывать моего имени с именем Павла, мы с ним в разводе де-факто. Я ни в чем не нуждаюсь, никаких заказов не делала и впредь делать не стану. Пусть Павел поплатится...»

И все-таки Дыбенко с разрешения Сталина приехал к ней в Норвегию повидаться. Норвежское правительство не хотело давать ему визу. Заведующий протокольной частью МИД жаловался Коллонтай, что приезд ее мужа вызовет массу непреодолимых трудностей:

– Вы первая в мире женщина-дипломат, и это уже создает ряд неразрешимых и не устоявшихся по этикету задач. А тут еще придет ваш супруг. Как мы будем сажать его во время приемов, с кем знакомить, кто идет перед ним, кто за ним?

Коллонтай уверила дипломата, что Дыбенко на приемы и светские рауты ходить не станет и пробудет максимум один месяц. Они не выдержали вместе и трех недель. Склеить разбитое не удалось:

«С уходящей почтой написала Сталину, что оповещаю партию, что прошу больше не смешивать имен Коллонтай и Дыбенко. Трехнедельное его пребывание здесь окончательно и бесповоротно убедило меня, что наши пути разошлись. Наш брак не был зарегистрирован, так что всякие формальности излишни. В конце письма я горячо поблагодарила Иосифа Виссарионовича за все, что он сделал для меня, чтобы вывести меня из личного тупика жизни и за всегда чуткое отношение к товарищам».

На самом деле она не могла забыть Павла Ефимовича. Иногда мысленно писала ему письма, но никогда их не отправляла. Приезжая по делам в Москву, часто встречала Дыбенко, занимавшего крупные посты в армии:

«Он рассказал, что Сталин созвал на вечер комсостав. После ужина Сталин неожиданно спросил:

– А скажи-ка мне, Дыбенко, почему ты разошелся с Коллонтай? Большую глупость сделал.

– Это ты, товарищ Коллонтай, виновата, – упрекнул меня Дыбенко. – Зачем ты меня на другой женила? Это ты все сделала. Почему ты послала мне вслед телеграмму в Гельсингфорс?

Мне смешно стало от его слов, я уже не помню, что я ему телеграфировала в двадцать третьем году, вероятно, советовала жениться поскорее... А тут еще странная встреча с бывшей женой Павла Дыбенко. Они уже разошлись, и она теперь жена какого-то высокопоставленного красного командира. Она пополнела и потому подурнела. Неужели я из-за нее столько ночей не спала?»

Александра Михайловна нашла в себе силы вырвать старую любовь из сердца. Характеру ее можно было только позавидовать. В глубоко личном письме советовала подруге:

«Надо иметь духу себе самой признаться: в нашем возрасте влюбленности к нам быть не может. Есть многое другое, что привязывает мужчин к нам: вспышка-тяготение, удобство (мы умеем создавать комфорт и удобство), польщенное самолюбие и т. д. Но все же это не любовь, не та любовь, какую мы получали, когда были в юном возрасте.

Что сделать, чтобы от того не страдать? Мой совет: отмежеваться. Я одно, он другое. А любимого брать, как приемлешь приятную, необязательную встречу с интересным, приятным человеком... Брать встречи, как читаешь с наслаждением час-другой интересную книгу. Закрыв книгу, положил на стол – и до следующей свободной минуты. Если вздумаешь на отношениях к «ним» в наши годы строить жизнь, получится одно горе, одни унижения, уколы, муки. Надо научиться быть одной, внутренне одной. Ни на кого не рассчитывать!

Скажешь: холодно? Да. И немножко горько. Но зато меньше мук. Зато как подхватываешь неожиданную радость, брошенную «им»! И внутренне удивляешься: «Да ну! Неужели он еще так любит?»

Мужчины не обходили Коллонтай вниманием. Вот представительный и умеющий ухаживать коллега приглашает в театр на «Веселую вдову», потом везет поужинать. Ужин затягивается до утра:

«Он предлагает пройтись и проводить меня до гостиницы. Идем по аллее, светло и незнакомо безлюдно. Я снимаю свою легкую летнюю шляпу и несу в руке. Он предлагает:

– Дайте я понесу вашу шляпу.

Я внутренне улыбаюсь. Когда мужчина любезно предлагает освободить свою даму даже от легкой ноши, это значит, что дама ему не совсем безразлична и что он сегодня разглядел, что она не только полпред, но и женщина».

Столь же легко, как с Дыбенко, Александра Коллонтай рассталась и со своими недавними соратниками в борьбе за общие идеалы.

Ее интимный друг Александр Шляпников, лидер распушенной X съездом «Рабочей оппозиции», не понял, что наступили новые и жестокие времена. Человек прямой и простодушный, он сожалел об утрате пролетарской чистоты, требовал восстановить рабочую демократию и призвать к порядку оторвавшуюся от народа партийную верхушку. Весной 1923 года его сторонники образовали «Рабочую группу РКП». В деятельности группы не было ничего антисоветского, но сам факт ее создания был воспринят как выпад против власти.

Одного из руководителей «Рабочей группы» Кузнецова в сентябре 1923 года допросил заместитель начальника секретного отдела ОГПУ Яков Саулович Агранов, будущий первый заместитель наркома внутренних дел.

В протоколе допроса записали:

«Коллонтай в ее последний приезд в Москву одобрила (принципиально) наше организационное оформление и не возражала против выдвинутых нами задач: лозунга восстановления Советов рабочих депутатов на фабриках и заводах и выпрямление линии партии. Она обещала сообщить о своем согласии войти в руководящий центр...»

24 ноября 1923 года политбюро поручило председателю Центральной контрольной комиссии Валериану Владимировичу Куйбышеву: «Вызвать тов. Коллонтай и переговорить с ней».

Куйбышев составил записку, которую отправил в политбюро:

«Следствием не установлено, что тов. Коллонтай состояла членом «Рабочей группы». Но безусловно установлен факт ее связи с активными деятелями этой группы, устройства с ними конспиративных совещаний.

Ответы тов. Коллонтай на мои вопросы явно уклончивы и неискренни.

Ввиду высказанного тов. Коллонтай недоверия к партии и нежелания ее сказать всю правду партия имеет право не доверять тов. Коллонтай ту ответственную работу, которую она сейчас ведет. Тов. Коллонтай должна быть отозвана из-за границы».

Записки Куйбышева было достаточно для того, чтобы остаток своей жизни Коллонтай провела в общении с чекистами. Она бросилась к Сталину:

– Разумеется, я не разделяю позицию блока. Мои личные отношения к Зиновьеву и Троцкому вам известны. Я целиком поддерживаю генеральную линию и полностью разделяю вашу установку в курсе внешней политики...

На прощание не забыла сказать генеральному секретарю:

– Я вам за многое неизменно благодарна. Ваша товарищеская отзывчивость, вы такой чуткий.

Сталин насмешливо:

– Даже чуткий? А говорят – грубый. Может, я и в самом деле грубый, но не в этом дело.

Генеральный секретарь взял ее под свое покровительство. Докладная записка Куйбышева была отправлена в архив.

«По телефону, – записала в дневнике Коллонтай, – справилась в ЦК, когда же мне прийти за ответом. Мне ответили, что приходить незачем, так как «дело» выяснено и снято с меня... Но пережить пришлось много и глубоко. Было много тяжелых встреч с товарищами. Дороги разошлись. Александр Гаврилович Шляпников меня не понимает и считает «карьеристкой». Это больно».

Постепенно Коллонтай становится другим человеком. Сама удивляется переменам, которые в ней совершаются:

«Вспомнила, что, когда я выходила замуж за Коллонтая, мать моя тщательно пыталась заинтересовать меня обстановкой будущего семейного очага. Только бы у меня был свой письменный стол и книжный шкаф, остальное неинтересно и неважно. А сейчас я обдуманно и с любовью выбирала каждую вещь для новой гостиной в полпредстве...»

Она по-прежнему заботится о своей внешности, следит за модой:

«За какие-нибудь десять-двенадцать лет женщины сумели изменить свою фигуру. Нет больше «боков», исчезли груди-подушки. Многие не носят корсетов. А в нашу молодость не носить корсетов – это был «вызов» обществу...»

Расставание с корсетом шло только девушкам с завидной внешностью. Остальные расплылись в бесформенных одеяниях. Но потом в моду вошли фасоны, подогнанные по фигуре, осиные талии и плоские силуэты. На фигуру Коллонтай грех было жаловаться.

«Сегодня официальный обед, который кабинет министров дает в мою честь. Как добросовестная камеристка-горничная, я сама себе приготовила все принадлежности вечернего туалета. На моей постели аккуратно разложено темно-лиловое бархатное платье, золотые парчевые туфли, такой же миниатюрный ридикюль с тонким батистовым платком и гребеночкой, ведь я все еще ношу коротко стриженные волосы. И после тифа в двадцатом году они продолжают виться, но расческа всегда под рукой, чтобы иметь презентабельный вид».

В определенном смысле она вернулась к стародавним временам, когда юная Шурочка ездила на балы и ее родители принимали гостей:

«Прием для дипломатов, правительства и общественности я обставила с подобающей роскошью. На шести столах стояли двухкилограммовые банки со свежей икрой – роскошь небывалая в Норвегии. Даже на обедах у короля свежая икра подается лишь на маленьких сэндвичах. Живые цветы, лакеи с советским «Абрау-Дюрсо» усердно подливали в бокалы, а в перерыве давался концерт русской музыки, и молодая норвежская танцовщица танцевала на манер Дункан под русские мелодии...»

Мало приятные новости из Советского Союза, конечно, доходят, но дурные вести она гонит от себя, списывает на уныние и малодушие своих старых друзей:

«Дома трудная полоса, недород сказывается – еще не овладели новыми формами хозяйства. Партия работает, шлет по деревням хороших работников, но есть перегибы. В Ленинграде и Москве (даже в столицах!) голодно. Мои приятельницы из Ленинграда, друзья моей юности, до сих пор не вжились в новые условия. Письма от них, от сестры моей Адели полны жалоб и просьб выслать шведские кроны на торгсин».

Торгсин – это Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, где принимали как валюту, так и золотые кольца, коронки, крестики, браслеты. Советская финансовая система разрушилась. Продовольствие выдавали по карточкам. Магазины были пусты. Продукты остались только в закрытых распределителях или в магазинах торгсина, как и описано в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».

«Сестра Адель и ее семья, подруги моей юности – такие они все исхудавшие, голодные, пришибленные и безынициативные, – записывает в дневнике Коллонтай. – Работают, а работа им чужда. Особенно жаль мне сестру Адель. Все плачет о трагической смерти сына. И это когда-то красивое лицо, исхудалое, прозрачно-бледное. Пьет чай, а кусочки сахара кладет в потертый ридикюль, и на него капают слезы когда-то гордой, энергичной и шикарной Адель».

У них многое от безволия, много нытья и неумения жить в новых условиях... Раздала всю свою валюту, что имела на руках, но разве это помощь? Посылаю им всем ежемесячно из Швеции на торгсин... Чувство, точно я перед ней и всеми этими «теньями прошлого» виновата».

Сознавала ли она, что происходит в стране реального социализма? Или даже самой себе не желала признаваться, что революция, дело всей ее жизни, не принесла счастья людям? Что в таком случае и она виновата в том, что происходило со страной?

Возможно, она все и видела, и понимала, но ее это не интересовало.

Что же осталось от некогда мятежной, непокорной, прямой до резкости, принципиальной до невозможности, жаждавшей справедливости и готовой сражаться за нее Коллонтай? Пожалуй, ничего.

Отчего так? Люди с возрастом меняются? В юности бунтарь, в зрелые годы – консерватор? Иссякла любовная страсть, во многом управлявшая поступками Коллонтай? И стало ясно, что она предельно холодный и эгоистический человек, думающий только о себе? И не была ли та единственная свобода, которой она действительно жаждала, свободой выбирать себе партнеров и свободой от обязательств перед другими? Для этого, правда, пришлось совершить революцию.

Да и пришло трезвое осознание, что времена наступили опасные. Это против царского правительства можно было бунтовать. Что не так – вытребовал загранпаспорт и в свободные края, Цюрих, Париж, Лондон. А еще кричали «тюрьма народов»... Это вот при советской власти по-настоящему стало страшно. И командировка за границу – высшее счастье. Ради этого надо идти на все – унижаться перед хозяином, исполнять любые указания, предавать старых товарищей и некогда любимых мужчин. Зато в нарушение всех норм и установлений ее сыну тоже разрешили работать за границей. И даже определили в Стокгольм, под заботливое мамино крыло. Коллонтай знала, от кого зависело ее личное благополучие и благополучие ее сына с семьей.

В дневнике о Сталине только восторженно. Приехав в Москву, всякий раз старалась попасть к нему на прием. Понимала, что расположение хозяина – единственная гарантия безопасности:

«Позвонила по ночному телефону. Попала на «хозяина».

– Кто говорит?

– Это я, Коллонтай. Я в отпуске в Москве, очень хочу вас повидать, Иосиф Виссарионович.

Иду по длинным коридорам, отремонтированные, в коврах, чистота парадная.

Сталин не у своего письменного стола, а у большого стола, где заседало политбюро. Тужурка цвета хаки. Лицо свежее, чем в прошлом году, в богатых волосах проседь ровная цвета стали, точно голова инеем покрыта.

– Как нашли Москву?

Улыбается кончиками губ, когда отмечаю достижения.

– Нет, Москва еще никуда не годится. Что это за город! Кривые улицы, тесно. Надо еще много ломать, очищать и строить. Но мы из Москвы сделаем мировой центр во всех смыслах.

Сталин спрашивает, а сам думает, взвешивает. Сталин слушает. Глаза упорно опущены. Он редко смотрит на собеседника. Ленин любил пронизывать собеседника взглядом, любил читать его мысли по глазам. Сталин не смотрит, а слушает. Берет от собеседника то, что ему надо, мысль работает в нем независимо от внешних впечатлений».

Единственный мужчина, которого она когда-то любила так, что себя готова была потерять, – Павел Дыбенко – уже был расстрелян.

Как раз в те дни, когда заканчивался жизненный путь Дыбенко, Александру Коллонтай попросил приехать наследный принц Швеции, впоследствии король Густав VI Адольф. Принц задал советскому послу вопрос, волновавший многих:

– Советское правительство не намерено повернуть свой курс на дружбу с Берлином?

– Откуда у вас такие мысли, ваше высочество? – возмутилась Коллонтай. – Советский Союз и фашистская Германия – это же огонь и вода!

– Да, но у вас есть нечто общее, – хладнокровно заметил кронпринц, – вы не признаете демократии и управляетесь диктатурой.

А через несколько недель, 24 августа 1939 года, когда появилось сообщение о приезде в Москву имперского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа и о подписании пакта с нацистской Германией, Коллонтай недогнувшей рукой записала в дневнике:

«Смелый шаг Москвы. Господа империалисты и не думали, что мы проявим такую решительность и так верно учтем мировую политическую конъюнктуру... Рука моя не выронила газету, я даже не особенно удивилась. Шаг с нашей стороны вернейший.»

Коллонтай больше не позволяла себе сомнений в линии партии. Или не доверяла их дневнику.

Последствия союза Гитлера и Сталина вскоре ощутила и Коллонтай. Началась финская война. 30 ноября 1939 года советская авиация бомбила Хельсинки. Части Ленинградского округа перешли границу. В сводках с театра военных действий Коллонтай с горечью читала названия мест, где отдыхала ребенком у бабушки. Ведь в ее жилах текла и финская кровь.

Несмотря на огромное превосходство Красной армии над финнами, зимняя кампания протекала на редкость неудачно. Начались тайные переговоры через посредство шведов о заключении мира. Александра Коллонтай играла первую скрипку. Но у нее возникли трения с НКВД. Политическая разведка хотела показать Сталину, что эта она заставит финское правительство принять условия мира.

В марте 1942 года Коллонтай исполнилось семьдесят лет. Приехавший в Стокгольм молодой тогда дипломат Владимир Иванович Ерофеев вспоминал:

«Ее разбил паралич. Левые рука и нога у нее не действовали. Меня она принимала, сидя в кресле-коляске, без которого уже не могла обходиться... Говорила она с трудом, но старалась держаться бодро, улыбалась, ко всему проявляла большой интерес, короче, не сдавалась».

Неприятности чекисты способны доставить любому дипломату, хотя бы и послу. Резидентом политической разведки в Стокгольме был Борис Ярцев, он же Борис Аркадьевич Рыбкин. Его заместителем и по совместительству женой была Зоя Ивановна Воскресенская, после войны она начнет писать детские книги о Ленине.

«Шифровальщиком в посольстве, – вспоминал Владимир Ерофеев, – и одновременно помощником резидента по наблюдению за коллективом советской колонии был некто Петров.

Это был развязный грубиян, пьяница, тиранивший свою жену. Однажды шведская полиция подобрала его пьяным и доставила в посольство. В кармане у Петрова были ключи от сейфов и печать. Хотя об этом случае сообщили в Москву, он остался в резидентуре.

Он вызвал меня на беседу и тут же потребовал, учитывая мою близость к Коллонтай, информировать о ее поведении, настроениях, разговорах:

– Ты что, не видишь, что она – не наш человек? Окружила себя подозрительными людьми. Ее муж, Дыбенко, расстрелян.»

Самое забавное состоит в том, что после войны бдительный чекист Владимир Михайлович Петров работал в Австралии. И вместе с женой попросил там политического убежища.

Свой архив Коллонтай держала в сундучке и тряслась над ним. В 1943 году ее, тяжелобольную, вывезли в санаторий. Как только пришла в себя, попросила доставить ей сундучок. Выяснилось, что сундучок пуст. Резидент наркомата госбезопасности отправил бумаги в Москву.

Что сделала Коллонтай, которая шла в тюрьму при царизме, спорила с Лениным, ничего не боялась? Вызвала резидента и сказала: как вы посмели? Я здесь хозяйка?..

Наученная жизнью, Коллонтай даже не посмела возмутиться. Написала резиденту благодарственное письмо за то, что в трудное военное время он сберег ее записи.

Записала в дневнике:

«Оглядываюсь: всегда-то я шагала через препятствия. Смолоду была «мятежная». Никогда не останавливалась перед тем, как на это посмотрят «другие», что скажут. Не боялась ни горя, ни трудностей. И опасности не пугали. Захочу – добыюсь. И достигала.

Я преодолела в себе чрезмерную эмоциональность, присущую женщинам прошлого, – именно то, что больше всего вредит в дипломатии. А нужно: бесчувствие, объективность, холодный рассудок и никаких эмоций».

17 сентября 1944 года с помощью Коллонтай было подписано перемирие с Финляндией, которая вышла из войны. Это был последний дипломатический успех первой советской женщины-полпреда.

В конце войны у Коллонтай случился инсульт, после чего последовал паралич левой половины тела и воспаление легких. В марте 1945 года ее вывезли в Москву. Она попросила Молотова вернуть ей все бумаги, которые забрал резидент. Но в наркомате иностранных дел ее бумаг не нашлось. Тогда Коллонтай в последний раз обратилась к Сталину. Записи ей вернули. Сталинское покровительство продолжало действовать. Тяжелобольную Коллонтай даже не отправили на пенсию. Она числилась советником Министерства иностранных дел и работала над мемуарами.

Александра Михайловна Коллонтай скончалась в 1952 году, не дожив двух недель до восьмидесятилетия, которое собиралась пышно отметить в особняке Министерства иностранных дел на улице Алексея Толстого.

Никого из мужчин, которых она любила или которые любили ее, уже не осталось в живых. Все они были значительно моложе ее, но ни к кому из них судьба не была столь благосклонна. Или, может быть, никто из них не был наделен такой счастливой способностью легко расставаться с идеалами юности и забывать о любимых людях?

Жена, подруга и соратник. Надежда Крупская

Надежда Константиновна Крупская родилась в Санкт-Петербурге. Как и многие революционеры того времени, по сословной принадлежности – дворянка.

Константин Игнатьевич Крупский помимо Константиновского кадетского корпуса окончил в 1837 году Михайловское артиллерийское училище, был выпущен подпоручиком и определен в расквартированный в Царстве Польском, в городе Кельце (неподалеку от Варшавы), Смоленский полк 7-й пехотной дивизии.

Мать Елизавета Васильевна, дочь горного инженера Василия Ивановича Тистрова, поступила в Павловский военно-сиротский институт благородных девиц.

В 1858 году Елизавета Васильевна получила звание домашней учительницы. Нашла место гувернантки троих детей помещика Русанова в Виленской губернии. Полк, где служил молодой офицер Крупский, располагался совсем рядом. Русанов устраивал званые вечера, на одном из них встретились поручик Крупский и очень красивая Елизавета Васильевна и полюбили друг друга. Надежда Константиновна – их единственная дочь.

Отец Надежды Константиновны служил в генерал-губернаторстве потому, что после раздела Речи Посполитой к Российской империи отошла значительная часть ее территории и населения. Поляки не смирились с разделом, одно восстание следовало за другим.

Константин Крупский изучал польский язык и сочувствовал польским повстанцам во время национально-освободительного восстания 1863–1864 годов, когда в России многие возненавидели поляков.

– Мы жили в Польше, – вспоминала много позже Надежда Константиновна, – и это много дало мне в понимании национального вопроса. Национальное угнетение Польши царизмом нельзя было не чувствовать.

Константин Игнатьевич скончался от туберкулеза легких 23 февраля 1883 года. Ему было всего сорок четыре года. После смерти отца Надежда Крупская с матерью бедствовали. Девочке только-только исполнилось четырнадцать лет.

В 1886 году Надежда Константиновна окончила семилетнюю гимназию Оболенской с золотой медалью. Проучившись еще год, получила диплом домашней наставницы. Занималась с девочками, которые жили в пансионе при гимназии. Преподавала математику в петербургском профессиональном женском училище Пospelовой. Давала уроки арифметики и алгебры.

В сентябре 1889 года Крупская поступила на историко-филологическое отделение Высших женских курсов (Бестужевских). Учившихся там девушек по традиции именовали «бестужевками».

Крупская, мечтавшая учиться, слушала лекции и на физико-математическом отделении, но ей довольно быстро стало скучно. Через полгода, в январе 1890 года, она ушла. Вместо Бестужевских курсов Надежда Константиновна посещала марксистские кружки, знакомилась с людьми, увлеченными левой идеей.

29 августа 1891 года она начала преподавать – бесплатно – в 1-й мужской вечерне-воскресной школе для взрослых рабочих в селе Смоленском за Невской заставой (Смоленские классы). Таких школ было две – для мужчин и для женщин. Три раза в неделю вечером приходили рабочие с Невской заставы, а в воскресенье занятия проводились после обедни. Крупская преподавала русский язык и литературу.

Она состояла в подпольном петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В конце февраля 1894 года на квартире инженера-энергетика Роберта Эдуардовича Классона, тоже увлекшегося марксизмом, состоялась историческая встреча – Надежда Константиновна Крупская познакомилась с Владимиром Ильичом Ульяновым, больше известным под псевдонимом Ленин.

Ленин сразу понравился юной девушке. Ничего удивительного – хорошо воспитанный, широко образованный, из интеллигентной семьи молодой человек. Красиво и увлекательно говорит, неплохо поет. И когда говорит, у самого глаза загораются.

Зимой 1895 года Владимир Ильич заболел гриппом, который дал неприятное осложнение – воспаление легких. Крупская навещала больного, познакомилась с его мамой, которая многое определяла в жизни сына.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года Ленина арестовали. Единомышленники поручили Крупской общаться с ним, по возможности навещать его в заключении, посылать ему книги. Началась стачка текстильщиков. Ее организаторы учились в той самой школе, в которой преподавала Надежда Константиновна. Вот тогда полиция обратила внимание на дочь коллежского асессора Крупскую, участвующую «в преступной пропаганде среди рабочих». В ночь на 12 августа 1896 года в ее доме провели обыск. Надежду Константиновну арестовали. 10 сентября 1896 года ее отпустили под негласный надзор полиции. А 28 октября опять арестовали. Теперь они с Лениным сидели в одном доме предварительного заключения, переписывались.

Надежду Константиновну Крупскую, как и некоторых других женщин, находившихся в предварительном заключении, выпустили на поруки. Вердикта суда она ожидала дома.

Тем временем Ульянова-Ленина приговорили в 1897 году к ссылке в Иркутскую губернию. Но он попросил у властей «ввиду слабости здоровья – место ссылки в пределах Енисейской губернии, желательно в Красноярском или Минусинском округе».

Товарищи упрекали Ленина: «Моральный кодекс революционера не позволяет просить власти о смягчении наказания или других послаблениях». Но, судя по всему, этот принцип воспринимался более как эталон, нежели как жизненное кредо.

Власть пошла молодому человеку навстречу. Вместо холодного и необжитого Туруханского края, куда позднее угодил административно-ссылный Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин), Ленин отправился в село Шушенское Минусинского края; местный климат ссыльные считали просто-таки благодатным.

Надежда Константиновна Крупская была, говоря современным языком, «заочница», то есть женщина на воле, которой эки пишут обширные и жалостливые послания. Сидевшие в тюрьмах революционеры просили товарищей подобрать им «невесту», то есть девушку, которой бы разрешались свидания с ними.

Из тюрьмы и Ленин передал через сестру Марию Ильиничну просьбу, чтобы к нему пришла «невеста». «Я не думала, мне надо пойти или кому другому, – вспоминала Надежда Константиновна. – Пошла я, и оказалось, что это было правильно».

Ленин стал называть ее невестой. Обычно «заочницам» обещают, выйдя на свободу, жениться на них. Но Крупская сама оказалась под судом. В конце декабря 1897 года ей объявили приговор: три года ссылки в Уфимской губернии. А Ленин из Шушенского звал ее к себе. Как же это организовать? Вступить в брак.

Крупская написала, что готова приехать: «Ну что ж, женой так женой». Обратилась к министру внутренних дел с просьбой изменить ей место ссылки.

Ленин отправил такое же прошение. Ответ пришел положительный. Царская власть не считала возможным помешать людям, пусть даже и осужденным, вступить в брак. В середине апреля 1898 года Надежда Константиновна пустилась в дальнюю дорогу – в село Шушенское к жениху. 7 мая 1898 года добралась до места, которое станет историческим. Ленин в тот день ушел на охоту. Цель ссылки состояла лишь в изоляции осужденного. Иных ограничений не предполагалось. Владимиру Ильичу не запрещали владеть оружием, так что он увлекся охотой.

Но выяснилось, что регистрация брака – неременное условие, при котором Крупской разрешат остаться в Шушенском. 10 мая 1898 года возмущенный Ленин писал матери:

«Надежде Константиновне, как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит немедленно (sic) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому

мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста...»

10 июля 1898 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна обвенчались. Обручальные кольца для венчания им сделал ссыльный финн Оскар Александрович Энгберг, который когда-то был учеником ювелира. Но колец они не носили. «Пришлось венчаться, проделать эту комедию», – рассказывала Крупская. Зато теперь она получала положенное ссыльным казенное пособие.

Они, верно, намеревались заключить что-то вроде фиктивного брака, дабы облегчить себе жизнь, а соединились навсегда. Административно-ссыльная Крупская приехала к Ленину с матерью Елизаветой Васильевной, набожной женщиной, воспитанницей института благородных девиц. Надежда Константиновна с матерью никогда не расставалась. Теща зятю попалась золотая. Она-то и наладила молодым быт.

Не будь тещи, не видать Ленину домашнего уюта. Умение вести хозяйство не было сильной стороной Надежды Константиновны...

Брак Ленина и Крупской не назовешь ранним. Обоим было под тридцать. Нет оснований сомневаться, что Владимир Ильич стал для Надежды Константиновны первым мужчиной.

Девушкой Крупская была вполне симпатичной. По словам ее подруг, «у Нади была белая, тонкая кожа, а румянец, разливавшийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый. Дома она не закалывала волосы в прическу, и ее длинная пышная коса спускалась ниже пояса. Глаза Крупской были серовато-зеленоватые, она сама говорила, что цвет глаз и волос у нее «петербургский». Но у нее не было ни тщеславия, ни самолюбия. В ее девичьей жизни не нашлось места для любовной игры».

В те времена добрые интимные отношения у женщин решительно осуждались. О мужском опыте Владимира Ильича известно столь же мало, хотя молодому мужчине из дворянской семьи определенные развлечения и шалости вполне позволялись. Был бы интерес.

Крупская не без удовольствия рассказывала, как они познакомились, как Владимир Ильич был ласков, внимателен и даже галантен. Он и романс мог пропеть:

– Я вас люблю, люблю безмерно...

Но, похоже, в жизни революционера Ленина женщины играли незначительную роль. Молодожены сняли новую квартиру, но спали в разных комнатах. Необычно для только что вступивших в брак молодых людей. Не рассматривали ли они свой союз как чисто деловой, как создание революционной ячейки в борьбе против самодержавия? Но Крупская эту версию отвергала.

«Мы ведь молодожены были, – вспоминала Надежда Константиновна. – Крепко любили друг друга. Первое время для нас ничего не существовало. То, что не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти».

Владимир Ильич, как человек просвещенный, смотрел на брак иными глазами, чем большинство мужчин его времени. Не только в России, но и в других европейских странах в ту пору женщина была совершенно несамостоятельна и почти что бесправна в браке.

Женщинам не считали нужным давать образование. Не брали на работу, кроме как служанкой или гувернанткой. Мужчина – глава семьи, кормилец. Беспомощная женщина ему подчиняется. Психологи уверяли, что зависимость – потаенная мечта женщины. Дескать, женщины генетически устроены так, чтобы искать мужчину, который обеспечит ее жизнь и жизнь потомства. Феминистки утверждали, что мужчины используют экономическую власть, дабы покупать женщину и заставлять ее обслуживать их на кухне и в постели.

Марксисты исходили из того, что женщины имеют право быть равными с мужчинами. Ленин доказывал это своим примером. Он рассматривал брак с Надеждой Константиновной как союз равноправных партнеров.

В Шушенском они прожили год и восемь месяцев. Лето жаркое, зима холодная. Ленин устроил себе каток и катался на коньках. Крупская писала о муже: «Я помогала ему в работе чем и как могла». Она была первым слушателем и читателем всего им написанного. Когда их сроки закончились, они уехали за границу.

Почему, собственно, у них не было детей? Обычных в нашу эпоху анализов им не делали, так что точный ответ невозможен. Через два года после свадьбы, 6 апреля 1900 года, Ленин посетовал в письме матери: «Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения».

Женские болезни опасны осложнением – бесплодием. Один из историков обнаружил запись, сделанную неким уфимским доктором Федотовым после осмотра Крупской: «Генитальный инфантилизм». Проверить этот диагноз, понятное дело, не представляется возможным.

После Первой русской революции 1905–1907 годов, видя, как царская полиция вылавливает подпольщиков, решили вернуться в безопасную Швейцарию. Настроение было крайне плохое. Перспектив никаких. Ленин признался Крупской:

– У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал.

Первая эмиграция продолжалась пять лет, вторая – почти десять.

Жили скромно. Кое-какие деньги Елизавете Васильевне Крупской оставила ее покойная тетка. Иногда Ленину платили за лекции. Надежда Константиновна давала уроки или даже надписывала конверты для рассылки объявлений.

Теща Ленина умерла в начале 1915 года, когда они жили в Берне. Русские эмигранты обратили внимание: выглядела в те месяцы Надежда Константиновна усталой, бледной, озабоченной. Она тяжело переживала смерть матери. Елизавета Васильевна всю жизнь посвятила дочери. После смерти матери у Надежды Константиновны обострилась базедова болезнь, они с Владимиром Ильичом поехали в горы.

«Владимир Ильич, – вспоминала Лилина (жена Зиновьева), – был всегда необычайно внимателен к «бабушке» – матери Надежды Константиновны и в особенности к самой Надежде Константиновне; когда она заболела, Владимир Ильич сам топил печку, помогал бабушке по хозяйству и старался, насколько возможно, избавить жену от забот и хлопот по дому».

После смерти тещи Владимир Ильич и Надежда Константиновна почувствовали себя совершенно неустроенными. Ели вегетарианский суп из готовых кубиков «Магги», которые существовали уже и тогда, котлеты или жареное мясо с овощами. Теперь им отчаянно не хватало денег.

Крупская была рядом с Лениным, когда он после Февраля 1917 года решил немедленно возвращаться в Россию. После Октября, когда большевики взяли власть, Ленин сразу записал для себя: «Надежда Константиновна – товарищ министра при Луначарском». Анатолий Васильевич Луначарский получил пост наркома просвещения.

Вообще говоря, это был деликатный вопрос. Как должна вести себя жена советского вождя? В старой России жены политиков не работали. Да и в других европейских государствах сто лет назад первые леди старательно держались подальше от политики. Знали, что это навлечет на них критику и ухудшит позиции их мужей. В ту пору исходили из того, что роль первой леди – создать мужу комфортные условия.

В какой степени Надежда Константиновна влияла на мужа? Свидетелей их ежедневных разговоров на кухне не осталось. Но известно, что они все обсуждали вдвоем, вечером делились друг с другом пережитым за день.

«Он все рассказывал, – вспоминала Крупская. – Ему нужно было кому-нибудь непременно сказать, если он готовил статью, речь, так что я была человеком, которому он рассказывал».

Ленин исходил из того, что дурного жена не посоветует. Тем более что за годы брака Крупская полностью прониклась его мыслями и идеями. Они были полными единомышленниками. Владимир Ильич с его гибким умом и врожденным политическим инстинктом легко менял позицию. Надежда Константиновна всегда ему подчинялась, а, оставшись без него, следовала усвоенным в браке максимам и догмам.

Крупская возглавила в наркомате просвещения огромный внешкольный отдел, который ведал школами для рабочих и крестьян, общеобразовательными курсами для взрослых, народными университетами, да еще культурно-просветительной работой среди взрослого населения – в библиотеках, клубах, народных домах и курсах для взрослых.

Наркомат просвещения разместился в здании бывшего императорского лицея на Остоженке (здесь сейчас расположена дипломатическая академия). Сотрудники наркомата поражались богатой отделке, роскошной мебели, стенам, обтянутым шелком. Каждая комната была выдержана в определенном стиле. Владимир Ильич осмотрел здание, где обосновалась Надежда Константиновна, и остался доволен:

– Все наши учреждения, и тем более наркомпрос, должны находиться в красивых помещениях и должны быть обставлены красивой мебелью.

Наркомат просвещения сосредоточил в своих руках все нити управления системой образования и культурой, по существу, управлял духовной жизнью огромной страны. Из старого министерства остался только технический персонал – курьеры, швейцары, уборщики. А так все новые люди. В основном должности занимали дилетанты, недоучившиеся студенты и домохозяйки. Брели только проверенных товарищей, как правило, по направлению партийных органов, местных Советов или по личной рекомендации видных деятелей новой власти.

Крупская всем сердцем поддержала идею выдвиженчества. Надежда Константиновна писала: «Массы понимают, что мало отнять у буржуазии ее материальные богатства, нужно отнять у нее то, что составляло до сих пор ее главную силу – монополию знания». Дети представителей «нетрудовых слоев» лишились права получать знания.

Когда Ленин с Крупской переехали в Москву, то первые две недели прожили в гостинице «Националь», потом обосновались в Кремле. Сначала в Кавалерском корпусе, где за семьей ухаживали кремлевские служащие. Потом им подобрали бывшую прокурорскую квартиру на третьем этаже большого здания судебных установлений, в конце коридора, где находились и зал заседаний Совнаркома, и служебный кабинет главы правительства.

Как писал сам Владимир Ильич, квартира – «размером четыре комнаты, кухня, комната для прислуги (семья – 3 человека, плюс 1 прислуга)». Всем – Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и младшей сестре Ленина Марии Ильиничне – досталось по комнате. Еще одну – проходную – сделали столовой. Но обычно ели в кухне. Владимир Ильич любил, когда ему готовили грибы, баклажаны, паштеты, бефстроганов.

Прислуга, упомянутая Лениным, это Саша Сысоева, которая долго жила в семье вождя и вела хозяйство. Она была двоюродной сестрой известного некогда революционера Ивана Васильевича Бабушкина, ученика Крупской в вечерне-воскресной школе.

Ленин не одобрял, когда Надежда Константиновна задерживалась у себя в наркомате. Отправлял за женой машину. Звонил ее секретарю:

– Верочка, гоните Надю домой, машину я послал.

Секретарь заходила в кабинет и начинала собирать ее портфель.

– Что, уже звонил? – спрашивала Крупская.

– Звонил, звонил, Надежда Константиновна. Машина сейчас придет.

Подниматься на третий этаж в свою квартиру при очень высоких кремлевских потолках было Крупской трудновато. Больное сердце давало о себе знать. Ленин попросил устроить лифт. Он и сам очень уставал. В октябре 1917 года началась жизнь, к которой он совершенно

не был подготовлен. Крупская всегда говорила: «Володя любит только тишину и чистоту». А после революции он оказался в центре настоящего смерча.

В конце 1921 года Крупская стала отмечать, что муж уже постоянно страдает сильными головными болями и чаще прежнего жалуется на усталость. 6 декабря они уехали в Горки. Вообще старались больше жить за городом. Но свежий воздух не помогал. Владимир Ильич плохо спал, вставал в дурном настроении и не работоспособный.

Бессонница была лишь первым симптомом. Ночью – рвота и сильная головная боль. Проснувшись утром, Ленин не мог произнести нужные слова. Взял газету – буквы расплылись. Хотел что-то написать, рука не слушалась. И ему самому, и Надежде Константиновне стало страшно. Когда Ленин шел по коридору, у него произошел сильный спазм – отказала правая нога. Паралич. Он рухнул на пол.

28 мая 1922 года профессор-невропатолог Василий Васильевич Крамер поставил диагноз: «артериосклеротическое страдание головного мозга». У Ленина произошло поражение моторно-речевой зоны головного мозга в результате закупорки сосудов.

В их совместной жизни наступал горестный период. Отныне он больше, чем когда бы то ни было, зависел от жены. И еще больше оценил ее. Не все жены способны полностью посвятить себя тяжелобольному мужу. И только очень проникательные люди сознавали реальную роль, которую сыграла Крупская в жизни Ленина, придавая ему силы на протяжении стольких лет, очень трудных для них обоих...

Сама Надежда Константиновна была сугубо нездоровым человеком. Она утратила женскую привлекательность, располнела и подурнела. Глаза у нее были навывкате. Недоброжелатели зло называли ее «селедкой». Крупская страдала базедовой болезнью. Ее диагностировали весной 1913 года.

По совету врачей они жили в горах в Поронино. Не помогло. Надежда Константиновна жаловалась свекрови:

«Я на инвалидном положении и очень быстро устаю. Ходила я электризоваться целый месяц, шея не сделалась меньше, но глаза стали нормальнее, и сердце меньше бьется. Тут в клиниках нервных болезней лечение ничего не стоит, а доктора очень внимательны».

Ленин сообщал товарищу по эмиграции Григорию Львовичу Шкловскому (секретарю Бернской секции РСДРП), с которым сблизился:

«Приехали в деревню около Закопане для лечения Надежды Константиновны горным воздухом от базедовой болезни. Болезнь же на нервной почве. Лечили три недели электричеством. Успех равняется нулю. Все по-прежнему: и пученье глаз, и вздутие шеи, и сердцебиение, все симптомы базедовой болезни».

Лечили ее неправильно. Не знали тогда, что болезнь Базедова, или Грэйвса, – одно из самых распространенных аутоиммунных эндокринологических заболеваний. Избыточная секреция щитовидной железы ведет к отравлению организма гормонами. Сейчас бы ей помогли, а тогда жена Ленина фактически осталась без медицинской помощи.

Решились обратиться к профессору бернского университета хирургу Теодору Кохеру. В июне 1913 года он оперировал Крупскую – провел резекцию щитовидной железы.

«Операция была, по-видимому, довольно трудная, – писал Ленин матери, – помучили Надю около трех часов – без наркоза. Но она перенесла мужественно. В четверг была очень плоха – сильнейшие жар и бред, так что я перетрусил изрядно. Но вчера уже явно пошло на поправку, лихорадки нет, пульс лучше».

Стало легче, но ненадолго. В апреле 1914 года Ленин писал Арманд:

«Надя настояла-таки на днях попробовать велосипед; в результате после пяти минут езды повторение всех симптомов базедки: и неподвижность глаз, и рост опухоли, и страшная слабость и т. д. Вероятно, вторая операция будет неизбежна, а пока попробуем горы в Поронине».

Не имея детей, Надежда Константиновна посвятила жизнь мужу. Их объединяли общие идеалы, взаимное уважение. Нельзя говорить, что их брак был неудачным. Владимир Ильич ценил жену, сочувствовал ее страданиям. И она в трудные для него годы оплатит ему сторицей.

«Сидели на большом совещании, – вспоминала помощница Крупской, – и вдруг она говорит:

– Выведите меня, я потеряла зрение.

Под руку вывела ее в другую комнату. Сильно испугавшись, что Крупская ослепла, хотела звонить Владимиру Ильичу, но она не разрешила. К счастью, потеря зрения оказалась временной, продолжалась часа полтора, врач объяснил это истощением организма».

Внезапная слепота – лишь одно из последствий ее недуга. Другие – слабость, одышка, тахикардия, повышенное давление, хроническая сердечная недостаточность.

Луиза Брайант, жена летописца революционных дней американского журналиста Джона Рида, сама написала книгу «Шесть красных месяцев в России». Она запечатлела облик Крупской: «черное платье, бледное лицо и белые без колец руки».

Английский корреспондент, побывавший у Надежды Константиновны в наркомате просвещения, озаглавил газетную заметку – «Первая леди». Владимир Ильич заметил, что правильное было бы иное название, а именно: «Первая оборванка».

Он, конечно же, шутил. Однако пренебрежение его жены собственным гардеробом было притчей во языцех. Крупская вообще не придавала своей внешности никакого значения. Можно было бы сказать, что она махнула на себя рукой. Но она, скорее, действительно была равнодушна к материальному миру, что вполне соответствовало взглядам образованной публики в начале века.

«Надежда Константиновна, – вспоминала Мария Ильинична, – никак не решалась, например, надеть платье, которое ей преподнесли сослуживицы, считавшие, что она одевается недостаточно хорошо. Кажется, только один раз решилась она обновить его и то на какой-то вечер на заводе, где можно было не снимать шубу, а потом отдала его в числе других вещей во время сбора их в период Гражданской войны».

Надежда Константиновна стеснялась и не привыкла тратить время на заботы о себе.

– Купи Наде валенки, – говорил Ленин своей практичной сестре, – у нее зябнут ноги.

Поскольку уже существовала советская власть, то купить что-либо стало невозможным. Валенки «давали» по ордерам. Иначе говоря, правом приобрести что-либо наделялись те, кто имел право получить ордер, то есть полезные новой власти люди.

Сестре Ленина ордер выдавали: «Достанешь. Проходит день – валенок нет. Что такое? Где же они? Начинаешь поиски и, наконец, выясняется, что Надежда Константиновна отдала их кому-то, кто, по ее мнению, больше в них нуждается».

– Надо достать другие, – резюмировал Ленин.

Но хозяйственную Марию Ильиничну это не устраивало:

– Володя, скажи Наде, чтобы она не отдавала валенки, а то и с другими та же история будет, ведь неудобно же так часто ордера брать.

«Однако надо быть все время начеку, – вспоминала Мария Ульянова. – Вдруг исчезает белье Владимира Ильича. Что за история? Что же он носить будет?»

Мария Ильинична сразу заподозрила Надежду Константиновну:

– Надя, ты не брала ли из шкафа Володиного белье?

– Да, знаешь, пришел ко мне один парень. Ничего у него нет. Вот я и дала Володиные штаны и рубаху.

– Да ты бы ему денег дала.

– Что же он на деньги теперь достанет? – резонно возразила Крупская, понимавшая реалии советской жизни.

4 апреля 1922 года Ленин приехал в Горки отдыхать. А 25 мая у него случился удар – частичный паралич правой руки и правой ноги, расстройство речи. Казалось, он не выживет. В узком кругу Сталин хладнокровно констатировал:

– Ленину капут.

Иосиф Виссарионович поторопился. Это был лишь первый период ленинской болезни: параличи кратковременные, но частые. Особенно заметно расстройство памяти: «Владимир Ильич не был в состоянии производить самые простые арифметические действия и не мог воспроизводить показанных ему геометрических фигур... Почерк дрожащий, с пропусками букв».

Почерк, по словам Марии Ильиничны, «был неровный и довольно мелкий, а порой и «сумасшедший», как называл его сам Владимир Ильич, какие-то мелкие сосуды головного мозга благодаря тромбозу отнимали у него возможность правильно писать и считать».

После первого удара Владимир Ильич оправился, но к полноценной работе уже не вернулся.

Утром Надежда Константиновна вывозила мужа на прогулку. В час дня они обедали. Владимир Ильич часок отдыхал, а Надежда Константиновна готовилась к занятиям с мужем. Врачи встревожились: она сама спит очень мало, а ночью сидит и разрезает для мужа азбуку. Крупская, профессиональный педагог, занималась с ним речью – под присмотром логопедов.

Все отмечали трогательное отношение Владимира Ильича к жене:

«Ильич сидит с Надеждой Константиновной. Она читает, он внимательно слушает. Иногда требует перечитать то или другое место. Настроение, кажется, у обоих прекрасное. Но вот она вышла. Ильич уселся, закрыв несколько лицо рукой, облокотившись на стол в задумчивой позе... И вдруг из-под руки катятся слезы... Чу, шорох. Шаги. Кто-то идет. Ильич выпрямился. Смахнул слезы. Как будто ничего не было».

Болезнь Ленина стремительно развивалась. Для Крупской худшее было впереди.

То, что она сделала для мужа в последние годы его жизни, – подвиг. Лишь тот, кто сам прошел через такое, понимают, какие эта мука и страдания – видеть, что болезнь творит с близким и любимым человеком.

В последние месяцы уже очень тяжелобольного Владимира Ильича возил в коляске по саду начальник охраны. Иногда Ленин насвистывал какую-нибудь мелодию. А так часами сидел, задумавшись, замечали врачи. Даже в присутствии посторонних погружался в свои мысли. Иногда на глаза его наворачивались слезы, особенно если он думал, что его никто не видит.

Крупская вспоминала эти последние дни:

«Стало чувствоваться, что что-то надвигается: вид стал у Владимира Ильича ужасно усталый и измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел, а главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, отвечал отрицательно».

21 января 1924 года, в понедельник, Ленину стало плохо. Вечером он ушел в мир иной. Старой знакомой Крупская призналась, что смерть Владимира Ильича не была неожиданной.

Первым сохранить тело предложил нарком внешней торговли Леонид Борисович Красин. Он хотел его заморозить и намеревался закупить в Германии необходимое оборудование. Но молодой ученый Борис Ильич Збарский, опираясь на успешные работы профессора Владимира Петровича Воробьева, заведовавшего кафедрой анатомии Харьковского университета, предложил бальзамирование. Збарский проявил настойчивость и добился реализации своей идеи. Глава ведомства госбезопасности Феликс Эдмундович Дзержинский его поддержал: уж если царей бальзамировали, то не забальзамировать Ленина – преступление.

Крупская возражала. На девятый день после смерти говорила:

«Большая у меня просьба к вам, не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и так далее – всему этому он придавал в жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича – устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д.».

Но ее отстранили от решения этого вопроса.

В июне 1924 года, когда работы были закончены, решили показать забальзамированное тело. Збарский пришел к Крупской за одеждой. «Надежда Константиновна, – вспоминал он, – принесла рубашки, кальсоны, носки; руки у нее дрожали». Вечером 18 июня в Мавзолей пришли представители различных компартий, съехавшиеся в Москву на конгресс Коминтерна, и, конечно, его родные. Надежда Константиновна плакала, глядя на тело мужа.

Для нее выделили время, когда она могла приходить в Мавзолей. Возле саркофага ставили стул и оставляли ее одну, чтобы она могла побыть с мужем.

Надежде Константиновне Крупской не позавидуешь. Сначала у нее на руках тяжело умирал Владимир Ильич, потом на ее глазах уничтожили почти всех его соратников, которые были и ее друзьями. Надежда Константиновна испугалась. Она не могла позволить себе открыто противостоять Сталину. Она принуждена была молчать, сидеть в президиуме и все одобрять. Она сильно лукавила, чтобы сделать приятное Сталину. Но тот испытывал к вдове Ленина плохо скрываемую антипатию.

В разговоре с глазу на глаз она признавалась:

– Все просят меня поделиться воспоминаниями о Владимире Ильиче. И никто не хочет понять, как мне это тяжело!

Знакомому библиотекарю сказала, что Ленин всегда предоставлял ей лучшую комнату. Так было в их квартире в Кремле, так было и в Горках:

– Владимир Ильич никогда не соглашался жить в большой комнате. Он считал, что мне нужно больше солнца, больше воздуха.

Одиночество ее мучило. Крупская говорила сотруднице «Учительской газеты»:

«Все хорошо, дело идет на лад, социализм будет построен, и люди растут прекрасные, а меня иногда берет за сердце тоска: я знаю, что никто не позвонит мне на работу и не скажет: – Надюша, приезжай домой, я без тебя не сяду обедать».

Тональность посланий Крупской превращается в просительную. Даже воспоминания о муже она вынуждена согласовывать с вождем. Надежда Константиновна только позволяет себе по старой памяти обращаться к нему по имени и отчеству.

15 октября 1938 Крупская вновь пишет Сталину:

«Иосиф Виссарионович,

Я хочу уточнить вопросы, по которым мне необходимо поговорить с Вами. О своей работе над высказываниями Ленина по вопросам культуры и просвещения. Я работала над таким сборником все лето. Хотелось создать сборник, где бы эти высказывания давались в тесной связи со всей работой партии по указанным Вами периодам, взять все, что говорил Ильич за каждый период по этим вопросам... О казанском и самарском периодах учебы и деятельности Ильича. Тут очень много интересных моментов.

Очень хотелось бы, чтобы со мной поговорили».

Послания вдовы не радовали генсека. Вместо личной беседы последовало решение политбюро: «Предложить т. Крупской, согласно заключению врачей, ограничить время работы не более 4 часов в сутки при работе 4 дня в шестидневку; летом отпуск 3 месяца и диетпитание».

24 февраля 1939 года, в выходной, старые знакомые собрались в Архангельском – накануне дня рождения Крупской. Устроили как бы предпразднование ее семидесятилетнего юбилея. Но вечером ей стало плохо, возникли сильные боли в животе, рвота, поднялось давление.

Врач ошибочно предположил сердечный приступ. Но ей становилось все хуже:

«Резкие боли в животе. Пульс 110–120. Ввиду подозрения на острый воспалительный процесс вызваны на консультацию проф. М. П. Кончаловский и А. Д. Очкин. Доложено по телефону замнач. Лечсанупра».

Консилиум поставил более точный диагноз:

«Весьма плохое общее состояние с резко учащенным неправильным пульсом, с посинением губ, носа и конечностей. При исследовании отмечены сильные боли в животе, особенно в нижней половине справа. Считаясь с наличием острых воспалительных явлений брюшной полости (заподозрен аппендицит) и общего тяжелого состояния больной, решено больную срочно госпитализировать в Кремлевскую больницу».

А время шло. На больничную койку ее доставили только под утро. Вновь осмотрели. Что диагностировали врачи?

«Закупорку склерозированных сосудов кишечника, омертвление части кишечника и последующее общее воспаление брюшины», – сообщал выходявший тогда «Медработник». По мнению медиков, это неминуемо ведет к кишечной непроходимости, потому требует оперативного вмешательства. Причем скорейшего. Терапевтическое лечение при таком пугающем диагнозе не поможет. Но вызванные к ней известные хирурги Спасокукоцкий и Очкин положить Крупскую на стол не решились.

Сергей Иванович Спасокукоцкий – академик, руководитель кафедры 2-го Медицинского института. Памятник профессору Алексею Дмитриевичу Очкину стоит во дворе Боткинской больницы. Более чем опытные и знающие медики. Отчего же они приняли такое решение? Решили, что операция Надежде Константиновне не поможет? Надо полагать, больше всего боялись, что она умрет прямо на операционном столе. И им скажут: вы зарезали вдову Ленина.

В эти последние часы Крупской было очень плохо, как некогда ее несчастному мужу. Она страдала от боли. Похоже, обезболивающие препараты вводили скуповато. Врачи теперь уже точно диагностировали разлитый перитонит. Новый консилиум: и вновь отказ от операции. В истории болезни пометили:

«Больная по-прежнему находится в состоянии, близком к бессознательному. Значительная синюха. Похолодание конечностей. Липкий пот. Пульс аритмичный. Общее состояние остается крайне тяжелым, не исключающим возможность близкого печального исхода».

Она ушла из жизни 27 февраля 1939 года. Как и ее муж, ранним утром – в 6 часов 15 минут. После вскрытия записали, что причина смерти – острый аппендицит и тромбоз сосудов брюшной полости.

Врачи Лечсанупра, предполагая, какие вопросы им могут задать, составили документ на имя генерального секретаря ЦК ВКП/б/ Сталина и председателя Совнаркома Молотова: «По опыту хирургов, излечение после операции наблюдалось исключительно редко у крепких людей. В данном случае при глубоком поражении всех важнейших органов и в возрасте 70 лет операция была абсолютно недопустима».

Прах Надежды Константиновны Крупской захоронили у Кремлевской стены, позади Мавзолея. И после смерти она осталась в тени своего великого мужа. Упокоиться рядом с ним – последняя земная милость – ей не было суждено. Владимир Ильич Ленин все еще не похоронен.

Горло бредит бритвою. Екатерина Фурцева

В семье версию о самоубийстве наотрез отвергают. Разговоры на такую тему в нашем обществе все еще считаются неприличными. Официальный диагноз – сердечный приступ. Впрочем, семье не очень верят. Потому что один раз она уже вскрывала себе вены. Эта жизнерадостная, мажорная женщина с ярким темпераментом и сильным характером не могла перенести одного – когда ее отвергают. И в личной жизни, и в политической. Только вот почему она хотела покончить с собой? Из-за того, что ее оставил муж? Или же невыносимой была потеря высокой должности?

24 октября 1974 года внезапно умерла министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева. Она месяц не дожила до шестидесяти четырех лет. В Москве заговорили о том, что министр покончила счеты с жизнью и что у нее для этого были все основания.

Екатерина Алексеевна Фурцева выросла без отца, рассказывала, что он погиб в Гражданскую войну. Окончив школу фабрично-заводского обучения, в 1928 году пошла на ткацкую фабрику «Большевичка» в родном Вышнем Волочке, потому и закрепилось за ней обидное для министра культуры прозвище «Ткачиха».

За станком она стояла меньше двух лет. Молодую спортивную и общительную девушку заметили и поставили ответственным секретарем районного совета физкультуры. Энергичная и бойкая, она быстро оказалась на руководящей комсомольской работе. В 1930 году ЦК ВЛКСМ отправил пятьсот комсомольских работников из города в деревню. В этот список попала и Фурцева.

Сначала ее избрали секретарем Кореневского райкома комсомола в Курской области, в 1931-м послали секретарем горкома в Феодосию. В солнечном Крыму молодой девушке понравилось. Спортивная, крепкая, она с удовольствием плавала и играла в волейбол.

Идеальным ребенком того времени, пишут историки, считался мальчик, политически активный, стремящийся как можно скорее распрощаться с детством. Требования гигиены и рациональности в одежде сводили к нулю различие между полами, предписывая и мальчикам, и девочкам носить рубашки и комбинезоны. Кружева и бантики решительно не допускались. Девочек отучали от «девчачьих» привычек – плаксивости и робости. Девушек делили на настоящих товарищей и маленьких «мещанок», думающих о своей внешности и удовольствиях. Чаще всего критиковались игрушки для девочек, особенно куклы, воспитывающие семейные и материнские инстинкты.

Воспитанницы советских школ двадцатых годов росли самоуверенными и несентиментальными. Женская мода тех лет – ватник, кожанка, френч, платье из солдатского сукна, сейчас это называли бы стилем милитари.

Через год Фурцеву поставили заведовать отделом Крымского обкома комсомола в Симферополе. Но карьеры в провинции не делаются. Она добилась, чтобы обком командировал ее в Ленинград – учиться на Высших академических курсах Гражданского воздушного флота. Ее готовили в политработники гражданской авиации.

Распределение после курсов оказалось не ахти каким удачным. Екатерину Фурцеву определили в Саратов помощником начальника политотдела авиационного техникума по комсомолу.

Зато она познакомилась с летчиком Петром Ивановичем Битковым. В ту пору пилоты, окруженные романтическим ореолом, пользовались у женщин особым успехом. А Петр Битков, рассказывают, был видным, интересным мужчиной.

В Саратове они с мужем не задержались. На следующий год его перевели в политуправление гражданской авиации, и они оказались в Москве. Фурцеву взяли в ЦК комсомола инструктором отдела студенческой молодежи, хотя высшего образования она не имела и студенческой

жизни не знала. Так что в 1937 году ее отправили учиться в Московский институт тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова. В институте ее избрали секретарем парткома, и учеба отошла на второй план.

Диплом о высшем образовании она получила в 1941 году. Когда началась война, ее эвакуировали, как и весь партаппарат, в Куйбышев, где сделали инструктором Молотовского райкома партии.

В 1942 году Фурцева вернулась в Москву, ее вновь избрали секретарем парткома института. Мужчины были на фронте. Карьерные женщины получили шанс. Растущего молодого работника приметил первый секретарь Фрунзенского райкома партии Петр Владимирович Богуславский и взял к себе. Ее утвердили секретарем райкома по кадрам.

Сорок второй год был для Екатерины Алексеевны памятным во всех отношениях. У нее родилась дочь Светлана. Но появление ребенка отнюдь не укрепило семью. Напротив, брак рухнул. Муж ушел к другой. Екатерина Алексеевна осталась с дочкой, матерью и братом, отличавшимся склонностью к горячительным напиткам.

Возможно, успешно начавшаяся партийная карьера помогла ей справиться с личной драмой. У Фурцевой сложились особые отношения с первым секретарем Богуславским. Они повсюду бывали вместе. Говорят, Петр Владимирович ценил не только ее деловые, но и женские достоинства. Во всяком случае Богуславскому Екатерина Алексеевна многим обязана. Он сделал ее в 1945 году вторым секретарем райкома.

Петр Богуславский был на три года ее старше. В войну был награжден несколькими орденами. После войны, когда партийный аппарат очищали от евреев, убрали из райкома и Богуславского. Его отправили в Академию общественных наук при ЦК ВКП/б/, где он написал диссертацию на тему «Московские большевики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». На партийную работу его не вернули. Много лет Богуславский руководил кафедрой марксизма-ленинизма в архитектурном институте.

В 1948 году Фурцева заняла его место. Женщин на высоких постах было немного. В основном они занимали должности второго-третьего ряда. При Сталине в политбюро не состояло ни одной женщины. Только в конце двадцатых годов в оргбюро ЦК ненадолго ввели Александру Васильевну Артюхину, которая с 1924 года заведовала в ЦК отделом работниц и крестьянок.

Вождь считал, что с руководящей работой в состоянии справляться только крепкие мужчины. Назначив Николая Константиновича Байбакова наркомом нефтяной промышленности, Сталин задал ему вопрос:

– Вот вы такой молодой нарком. Скажите, какими свойствами должен обладать советский нарком?

Байбаков стал перечислять. Вождь остановил его:

– Советскому наркому нужны прежде всего бычьи нервы плюс оптимизм.

Бычьих нервов Екатерине Алексеевне Фурцевой явно не доставало. Она была слишком эмоциональным человеком. Кроме того, партийные руководители часто собирались в неформальной обстановке. Нравы были грубые, в выражениях не стеснялись. Тяжелые застолья заканчивались чем-то непотребным. Перепившиеся члены политбюро швыряли спелые помидоры в потолок и хохотали, как сумасшедшие. Присутствие женщины в такой компании показалось бы странным.

Чтобы доказать свое право быть хозяином района, а затем и города, Фурцевой пришлось усвоить многие привычки и манеры мужчин-руководителей. Она научилась не робеть в мужском коллективе. Ее не смущали шуточки известного свойства. Она могла прилично выпить и послать по матушке. В райкоме она привыкла командовать мужчинами. При этом не забывала, что привлекательная женщина обладает и другими средствами воздействия на мужской коллектив.

Выдвинул Фурцеву на самостоятельную работу тогдашний московский руководитель Георгий Михайлович Попов. В ту пору у него было право назначать первых секретарей райкомов партии, не спрашивая разрешения ЦК. Георгий Попов был грубым человеком; подбирая себе команду, предпочитал людей хватких и напористых.

Фурцеву ценили как мастерицу массовых мероприятий. Шла ли речь об очищении районного аппарата от выходцев из Северной столицы в разгар мрачного «ленинградского дела», или о пропагандистском обеспечении столь же позорного «дела врачей», Екатерина Алексеевна неизменно опережала коллег-секретарей.

Она быстро усвоила основные правила достижения успеха в партийном аппарате. Требовала от научно-исследовательских институтов, расположенных в районе, выполнения социалистических обязательств к определенным датам. Причем требовала всерьез:

– Занимаетесь раком? К 1 Мая вы обязаны изобрести вакцину и полностью ликвидировать рак. К 7 Ноября нужно выпустить действенный препарат против туберкулеза. Изучаете детскую корь? Поработайте так, чтобы к следующему бюро райкома кори не было... Я должна первая рапортовать товарищу Сталину о наших победах.

«Заняв «мужской» (по характеру работы) пост, женщины, как правило, под него подстраиваются, стремятся даже внешне походить на мужчин, – рассказывал ее бывший подчиненный, – задымят сигаретой, повелевающе повысят голос. Мол, и мы не лыком шиты. Ничего похожего не водилось за Фурцевой. Всегда элегантная, модно одетая, в меру пользующаяся косметикой, она оставалась очень женственной. Мне казалось, что этим она хотела подчеркнуть: «Среди всех вас, мужчин, я одна женщина. Извольте считаться с этим!» И, как правило, попадала в цель. Редко кто мог отказать ей в какой-либо просьбе».

Руководитель Москвы Георгий Попов не долго удержался на своем посту. Сталин, похоже, заподозрил его в неумных амбициях, в желании со временем занять кресло первого человека в стране. Попова изгнали с позором, его сменил Никита Сергеевич Хрущев, которого Сталин вернул в Москву с Украины. Хрущев возглавил московский обком, а первым секретарем столичного горкома стал Иван Иванович Румянцев.

Но карьеру Румянцева сломала дамская история. Кто-то стал свидетелем его интимной встречи с женщиной (не женой!), хотя он надеялся остаться неузнанным – поднял воротник пальто, поглубже надвинул шляпу... История обсуждалась на пленуме горкома, и в сентябре 1952 года его отправили заместителем директора авиационного завода. Партийным руководителем города сделали Ивана Васильевича Капитонова. Но Хрущеву он не глянулся – слишком инертный.

Никита Сергеевич обратил внимание на энергичную и деловую Фурцеву и сделал ее секретарем горкома. В отношении Хрущева к Фурцевой не было ничего личного, что бы тогда ни говорили.

Постель не играла решающей роли в карьерном росте женщин, возможно, потому, что в партийный аппарат, словно нарочно, отбирали дам не слишком привлекательных. Фурцева была исключением. Но в отличие от Леонида Ильича Брежнева Хрущев хранил верность жене и с особами другого пола устанавливал исключительно деловые отношения. Кстати, снисхождения никому не делал и с женщин спрашивал, как с мужчин.

Екатерина Фурцева стала хозяйном Москвы в послесталинские времена, когда жизнь в городе еще была тяжелой. На пленуме ЦК, в своем кругу, она говорила откровенно:

– Возьмите Москву, которая всегда находилась в более благоприятных условиях по сравнению с другими городами страны. Даже в Москве до последнего времени хлеб продавали в одни руки не более килограмма. В Москве, которая, как я сказала, находится в особых условиях, хлеб продавали с примесью около сорока процентов картофеля и прочего. Это же факты.

Как первый секретарь горкома, Фурцева, скажем, сыграла большую роль в строительстве Центрального стадиона в Лужниках. На этом месте стояла Воронья слободка – в котловане

были склады, мастерские, свалки. Вид с Ленинских гор вызывал отвращение... Министр промышленности строительных материалов Павел Александрович Юдин сказал:

– Я не был бы министром, если бы не поддержал руководителя коммунистов Москвы, и не был бы мужчиной, если бы подвел такую очаровательную женщину.

И стадион в Лужниках построили очень быстро. На первом пленуме после XX съезда партии, 27 февраля 1956 года, Хрущев вознес Фурцеву на олимп – сделал ее секретарем ЦК и включил в состав кандидатов в члены президиума. Фурцева стала первой после Елены Дмитриевны Стасовой (она была секретарем ЦК в 1919–1920 годах) женщиной на высшем партийном посту. А через год, когда Фурцева решительно поддержала его против оппозиции – Молотова, Маленкова и Кагановича, – сделал Фурцеву полноправным членом президиума ЦК. Это было громкое назначение. В следующий раз женщина войдет в состав политбюро уже при Горбачеве. На заседаниях президиума ЦК решались главные проблемы страны: военные, политические, кадровые.

Служебную удачу дополнило найденное наконец личное счастье. Когда Екатерина Алексеевна работала в московском партийном аппарате, то влюбилась в коллегу- секретаря – Николая Павловича Фирюбина. Он был всего на два года ее старше и очень нравился женщинам. Выпускник Московского авиационного института, он быстро пошел по партийной линии. В разгар войны, в 1943 году, Фирюбина утвердили секретарем горкома по промышленности.

В жизни Фурцевой падение Георгия Попова стало началом бурной карьеры, а Фирюбина убрали из горкома вместе с Поповым, с большим понижением перевели на хозяйственную работу. Николай Павлович сильно переживал. Но после смерти Сталина небольшую группу партработников перебросили в Министерство иностранных дел, в том числе Андропова и Фирюбина. Андропова отправили советником посольства в Венгрию, Фирюбина – в Чехословакию. Через год Фирюбина сделали послом. Еще два года он был послом в Югославии.

Андропова и Фирюбина почти одновременно вернули в Москву. Именно Фирюбина хотели поставить во главе нового отдела ЦК, который должен был заниматься социалистическими странами. Но Хрущев вспомнил старую историю, и вместо Фирюбина отделом поставил заведовать Юрия Владимировича Андропова, которого практически не знал. Так началась большая политическая карьера Андропова.

Фирюбина назначили заместителем министра иностранных дел. Более высокой должности он уже не занял, но по крайней мере теперь ничто не мешало Николаю Павловичу и Екатерине Алексеевне создать семью. У Фирюбина тоже была дочь от первого брака, Фурцева очень хорошо к ней относилась. Супружеский союз казался крепким и удачным.

На XX съезде партии Фирюбина избрали кандидатом в члены ЦК КПСС. Так что они с Фурцевой были единственной супружеской парой, которая совместно посещала пленумы Центрального комитета. Конечно, Фирюбину не очень нравилось, что жена занимает более высокое положение. Для советской семьи это было нетипично.

Всего три года Фурцева пребывала на вершине власти. Низвержение с олимпа было для нее неожиданным. Она вовсе не была противником Никиты Хрущева. Да в высшем партийном руководстве у него и не осталось противников. Тем не менее он совершенно неожиданно провел чистку высшего эшелона.

Говорят, что чекисты записали вольные разговоры нескольких секретарей ЦК, включая Фурцеву, которые они вели в своих комнатах отдыха, попивая чай или более крепкие напитки. Ничего крамольного они не говорили, лишь позволяли себе критически оценивать поведение Никиты Сергеевича. Удивительно, конечно, что секретари ЦК с их-то политическим опытом оказались столь наивными. Не предполагали, что их могут прослушивать?

А может быть, опрометчиво рассчитывали, что раз они так много сделали для Хрущева, он будет век им благодарен. Но ведь старые заслуги ничего не значат, когда речь идет о власти. Борьба за власть не заканчивается даже в тот момент, когда политик становится полновласт-

ным хозяином в стране. И рядом уже нет ни врагов, ни соперников, ни тайных недоброжелателей. Только соратники и единомышленники. Тогда начинается борьба за удержание власти. Власть нужно оберегать от тех, кто вместе с тобой. Логика борьбы такова, что и соратники тоже не нужны. Нужны только подчиненные.

Думаю, есть и другой мотив. Хрущев был натурой увлекающейся. Понравившегося ему человека мог поднять на головокружительную высоту, директора совхоза назначал сразу министром сельского хозяйства, но, быстро разочаровавшись, с той же легкостью расставался и с новым фаворитом. Поработав с Фурцевой, увидел, что она слишком проста для идеологического секретаря. Она проигрывала на фоне куда более изощренного Суслова, у которого на всякий случай всегда была заготовлена цитата из Владимира Ильича.

О новых назначениях Хрущев объявил на заседании президиума ЦК. Еще не ведая собственной судьбы, Екатерина Алексеевна безропотно произнесла:

– Предложения Никиты Сергеевича правильные. Перестановку в секретариате ЦК надо произвести. Если меня коснется, то я согласна на любом участке работать.

Хрущев распорядился освободить ее от должности секретаря ЦК и назначить министром культуры. В советской иерархии понижение было большое. Но еще год с лишним, до очередного съезда партии, Фурцева оставалась членом президиума ЦК. Казалось, внешне ничего не изменилось. Ее приглашали на заседания президиума, ей полагался лимузин с охраной, подчиненные лебезили.

Возможно, она наивно полагала, что Хрущев сохранит за ней партийное звание. До последнего момента на что-то надеялась, думала, что опала будет недолгой, что Никита Сергеевич передумает и вернет ее на партийную работу – ведь ничем другим она в жизни не занималась. Главное – оставаться в составе президиума ЦК, где решаются все важные вопросы. Но после XXII съезда бывшие секретари ЦК в президиум уже не вошли. Это стало для Екатерины Алексеевны страшным ударом. В эту минуту жизнь изменилась. Сняли охрану, сменили автомобиль, изменились глаза высших чиновников, которые теперь смотрели на Фурцеву снисходительно-высокомерно.

Ей и без того досталось на съезде. Михаил Александрович Шолохов, выступая, открыто издевался над Фурцевой. Это секретаря ЦК нельзя было тронуть, а министра культуры очень даже можно.

Шолохов высказался на полную катушку:

– Прежде всего хочу сказать, что мы давно мечтали о министре типа товарища Фурцевой. И такого министра мы наконец-то получили.

Зал принял его слова за чистую монету и с готовностью зааплодировал. Шолохов продолжал в том же ерническом стиле:

– Всем взяла наша дорогая Екатерина Алексеевна: и дело свое отлично поставила, потому что знает и любит его, и внешностью обаятельна, и в обхождении с деятелями культуры то же самое обаятельна... А тут еще все новые таланты у нее открываются, ну, мы и диву даемся и руками разводим от удовольствия и изумления.

И Шолохов напустился на министра культуры за низкое качество пьес, поставленных театрами. Испытав публичное унижение, Фурцева, можно сказать, была раздавлена тем, что ее не включили в состав президиума ЦК. Ее свергли с олимпа, и теперь она стала такой же, как все.

Но она не была такой, как все. На вечернем, заключительном заседании съезда ни Фурцева, ни ее муж Николай Павлович Фирюбин не появились. Отсутствие обоих было более чем заметно. Решили, что это знак протеста – немыслимое в партийном аппарате дело. Член партии обязан безропотно – а желательно с чувством искренней благодарности – подчиниться любому решению вышестоящего органа.

На самом деле все говорили о том, что Екатерина Алексеевна Фурцева, переживая случившееся, вскрыла себе вены. Попытка самоубийства как-то не вяжется с обликом решительного, жесткого политика, способного преодолевать любые препятствия. Неужели она готова была покончить счеты с жизнью из-за сорвавшейся карьеры? Вполне возможно. Потеря высокой должности для профессионального партийного работника была равнозначна жизненной катастрофе. А может быть, как это частенько случается с самоубийцами, она вовсе не собиралась умирать. Она хотела всего лишь прокричать о своей боли, надеясь, что ее услышат и поймут.

Во всяком случае ее вовремя нашли и спасли. Но никто не спешил обмыть и перевязать ее раны. Напротив, товарищи сочли ее поведение антипартийным и готовились разделаться с ней окончательно.

Когда Хрущеву доложили, что члены ЦК в знак протеста не явились на съезд, он был вне себя и устроил в Кремле 9 марта 1962 года разборательство. Разумеется, ни слова о попытке самоубийства. Нет такого слова в лексиконе большевиков! Фурцева умоляла товарищей поведать, что она тяжело болела. Фирюбин просил понять его положение мужа, который не вправе бросить жену, когда ей плохо:

– Иначе я не мог поступить.

Новый хрущевский любимец Фрол Романович Козлов, второй человек в партии, подготовил проект решения о выводе обоих из состава ЦК КПСС. Но Никита Сергеевич уже остыл и проявил снисходительность.

– Поступок сложный, – говорил Хрущев о Фурцевой. – Я понимаю ее огорчение, когда на съезде ее не избрали в президиум. Но люди оценили ее поступок как протест против партии. По работе – ничего плохого не скажу. В острых вопросах – всегда держалась. Характер, правда, неважный. Я говорил ей: «то вы с Жуковым, то с Булганиным, то с Молотовым». Но в принципиальных вопросах держалась принципиально... А тут такой нехороший поступок.

Хрущев учел раскаяние Фурцевой и предложил в решении записать: отсутствовала вследствие заболевания. Относительно Фирюбина распорядился: за неправильное поведение указать.

Кое-какие надежды вспыхнули у Фурцевой, когда Хрущева осенью 1964 года отправили на пенсию. Но новый хозяин страны Брежнев ее не жаловал и на партийную работу не вернул. Когда-то она высокомерно относилась к Леониду Ильичу, а Леонид Ильич этого не забыл.

Екатерина Алексеевна до конца жизни не смирилась с низвержением с олимпа. Сказала однажды Юрию Петровичу Любимову, главному режиссеру Театра на Таганке:

– Вы думаете, только у вас неприятности? Мои портреты ведь тоже носили, а теперь, вот видите, сию тут и с вами говорю.

Фурцева руководила Министерством культуры четырнадцать лет, до самой смерти. Оценивают ее роль по-разному. Екатерине Алексеевне не хватало образования и кругозора. В определенном смысле она так и осталась секретарем райкома по идеологии...

Однако же Екатерина Алексеевна не была держимордой. Она действовала в меру своих представлений об искусстве. Помимо партийных установок она часто руководствовалась личными симпатиями и антипатиями.

«Ничего в ней не было служебного – ни в одежде, ни в походке, ни в манере разговора, – рассказывал драматург Виктор Сергеевич Розов. – Она умела быть и удивительно домашней, и деловой до сухости, и яростной до безудержности, но при всем этом оставаться нормальным человеком.

Была у нее и одна слабость: она не любила мужчин, которые видели в ней только чиновника. Бабым чутьем она ощущала, для кого она только руководящая единица, а для кого сверх того и женщина. Лично мне эта черта в ней нравилась. В самом деле, нельзя же разговаривать

даже с министром, не учитывая того, что министр – женщина. По- моему, для любой женщины это оскорбительно...»

Это же подметил и такой тонкий знаток театра, как Анатолий Миронович Смелянский, тогдашний заведующий литературной частью МХАТа, который многие годы проработал рядом с Олегом Ефремовым:

«Фурцева была не только министром. Она была женщиной. И Ефремов ей нравился. Она позволяла себе невиданные вещи: могла, например, будучи навеселе, кокетливо приподнять юбку выше колена и спросить:

– Олег, ну скажи, у меня неплохие ноги?»

В ней были природное обаяние, решительность, готовность – если это не грозило большими неприятностями, – сказать не только «нет», но и «да». Она была человеком искренним. Юрий Любимов говорил о ней:

– Дура, но хоть живая.

Однажды, по словам писателя Андрея Николаевича Яхонтова, она вызвала к себе солиста Большого театра Зураба Анджапаридзе:

– У тебя любовь с...? Заканчивай. Потому что ее муж в неистовстве. Хочет разводиться. Может совершить бог знает какие поступки. А мы хотим его сохранить. Если совсем не можешь без служебных романов, ищи ей замену.

– Ей нет равных, – ответил известный сердцеед. И, подумав, добавил: – Если только вы...

Фурцева дала ему пощечину. Он встал и пошел к двери. Когда он уже взялся за ручки двери, Фурцева его окликнула:

– Зураб!

Он оглянулся.

– Я подумаю, – сказала Фурцева.

Зураб Анджапаридзе оценил способность министра и женщины снять неловкость дурацкой сцены.

Министр культуры всегда следила за собой, старалась выглядеть безукоризненно.

«Прекрасная фигура подчеркнута элегантным строгим платьем, – рассказывала Нами Микоян, жена одного из заместителей Фурцевой. – Русые волосы волнисто обрамляли лоб, высокий шиньон возвышался на затылке. (Эту прическу потом делали многие работавшие в номенклатуре «дамы», из-за чего их, посмеиваясь, называли «Фурцева для бедных».)

Екатерина Алексеевна всегда была подтянута, строго, со вкусом одета, красиво причесана. Около ее рабочего кабинета находилась маленькая комната, где стоял шкаф с ее платьями и со всем, что необходимо для вечерних мероприятий».

Одежде она всегда придавала особое значение. Маргарита Ивановна Рудомино, которая много лет руководила Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы, писала в мемуарах, что у нее не сложились отношения с министром культуры. Маргарита Ивановна знала причину:

«Как-то во время войны я пришла к ней на прием. Она тогда еще была секретарем Фрунзенского райкома партии. Не могу забыть, как она была удивлена и раздосадована, увидев на мне такое же платье, как и на ней.

Оказалось, что мы одевались у одной портнихи – знаменитой тогда Александры Сергеевны Ляминой, с которой меня связывала многолетняя дружба. Я улыбнулась, а Фурцева разозлилась. И с тех пор относилась ко мне настороженно, почти враждебно».

К услугам министра были любые портные и ателье управления делами Совета министров на Кутузовском проспекте, но там привыкли обшивать сановных дам, не столько следивших за модой, сколько старавшихся соответствовать консервативным вкусам своих мужей.

Фурцеву выручали поездки за границу. Они имели прежде всего экономический смысл – можно было купить то, чего на территории Советского Союза вовсе не существовало. Но мини-

стерских командировочных не хватало не то, чтобы приодеться и обновить гардероб. Екатерина Алексеевна, по словам выдающейся певицы Галины Павловны Вишневской, охотно принимала подношения от артистов, которые выступали за рубежом:

«Предпочитала брать валютой, что могу засвидетельствовать сама: в Париже, во время гастролей Большого театра в 1969 году, положила ей в руку четыреста долларов – весь мой гонорар за сорок дней гастролей, так как получала, как и все артисты театра, десять долларов в день.

Просто дала ей взятку, чтобы выпускали меня за границу по моим же контрактам (а то ведь бывало и так: контракт мой, а едет по нему другая певица). Я от волнения вся испариной покрылась, но она спокойно, привычно взяла и сказала:

– Спасибо...»

Фурцева подружилась с Надей Леже, русской женщиной, вдовой французского художника Фернана Леже. Опытная Надя Леже никогда не приезжала в Москву с пустыми руками.

«Надинами стараниями, – вспоминала Галина Ерофеева, жена известного советского дипломата, – Фурцева стала появляться на приемах в вечерних туалетах от парижских «кутюрье» со всеми соответствующими туалетам аксессуарами и выглядела ослепительно, о чем могу свидетельствовать лично.

Сергей Иосифович Юткевич не без возмущения и со злой иронией рассказал нам, как Надя Леже привезла ему на вокзал к отходу поезда огромный чемодан, а на его недоуменный вопрос о причине его неподъемной тяжести объяснила, что Екатерина Алексеевна обставляет новую квартиру и ей нужны занавеси на окна и соответствующая обивка».

Надя Леже не осталась внакладе. Она получила квартиру в Москве и возможность построить славную дачу в писательском поселке Переделкино.

Фурцева дружила с певицей Людмилой Георгиевной Зыкиной. Рассказывали, что на даче у певицы министр могла расслабиться и выпить. С годами, когда жизнь перестала ладиться, стала злоупотреблять горячительными напитками.

– Все мы не без греха, – говорила Зыкина. – Но могу сказать одно: Фурцеву часто вынуждали выпивать, ее просто спаивали. То и дело на приемах, на разных мероприятиях подходили артисты с бокалами, каждый считал за честь представиться, выпить вместе.

За столом, когда спрашивали, что ей налить, Екатерина Алексеевна отвечала одинаково:

– Я всегда с мужчинами, я пью водку.

Говорят, что у Фурцевой возникли проблемы, когда она занялась постройкой собственной дачи и попросила о помощи «подведомственные учреждения». В желающих помочь строительными материалами и рабочей силой недостатка не оказалось. Как же не воспользоваться возможностью сделать приятное министру! А потом кто-то из посвященных, как водится, написал донос.

Дело разбирали в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС и будто бы решили Фурцеву не наказывать, а отправить ее на пенсию. Кому-то другому дачная история вполне могла сойти с рук. Брежневским друзьям разрешалось многое. Закрывались глаза на куда более серьезные нарушения. Но Екатерину Алексеевну, напомним, Леонид Ильич не жаловал.

Теперь уже невозможно установить точно, что именно произошло поздним вечером 24 октября 1974 года, когда Фурцева вернулась домой. Она жила в доме для начальства на улице Алексея Толстого, которая вновь называется Спиридоновкой.

Говорят, что чуть ли не в один день стало известно, что ее ждет пенсия, а муж нашел другую женщину. Николай Фирюбин ушел к Клеопатре Гоголевой, вдове Александра Васильевича Гоголева, покойного секретаря московского обкома партии. Они жили на соседних дачах. Надо же, все эти браки заключались исключительно в тесном кругу московской партийной элиты... Клеопатра, которую знакомые называли по-свойски Клерой, была значительно моложе Екатерины Алексеевны.

Двойной удар Фурцева не выдержала. Ушла ли она из жизни по собственной воле, или на то был промысел божий – на сей счет свидетели говорят разное. Может быть, была какая-то биологическая предрасположенность. «Горло бредит бритвою» – так назвал свою книгу популярный в двадцатые и тридцатые годы XX века писатель Даниил Хармс. Может, дело в специфике личностной структуры, в психологических особенностях личности. Есть люди более ранимые, а есть те, у кого, как говорят в народе, толстая кожа.

Не станем докапываться. Не имеет значения. В любом случае тоскливая жизнь брошенной мужем пенсионерки была не по ней... Без высокой должности она себя на этой земле не мыслила.

Николай Павлович Фирюбин, в которого она когда-то страстно влюбилась, оставался заместителем министра иностранных дел СССР до конца своих дней. Он пережил Екатерину Алексеевну на девять лет.

С годами о Фурцевой говорят все лучше и лучше. Дурное забывается. Остаются воспоминания о живом и душевном человеке.

3 декабря 2004 года на доме № 9 по Тверской улице открыли бронзовую мемориальную доску. На ней профиль Фурцевой и надпись: «Екатерина Алексеевна Фурцева, выдающийся деятель культуры, жила в этом доме с 1949 по 1960 год».

Таких мемориальных досок и таких высоких слов, кажется, не удостоился ни один из действительно выдающихся деятелей культуры, которым приходилось жить и творить под бдительным присмотром Екатерины Алексеевны Фурцевой.

Почему ее невзлюбили? Раиса Горбачева

«Четвертый день читаю, перечитываю, снова перечитываю письма Михаила Сергеевича. Все. Я прощаюсь с ними. Уничтожаю одно за другим. Сердце сжимается, слезы застилают глаза», – записала в дневнике 27 августа 1991 года Раиса Максимовна Горбачева.

Возвратившись в тот вечер домой, Михаил Сергеевич застал жену в слезах. Раиса Максимовна сожгла все, что он годами писал ей.

Что же было в этих письмах, которые жена президента Советского Союза внезапно пожелала уничтожить? Номера счетов в швейцарских банках? Высшие государственные секреты? Нелицеприятные оценки политических оппонентов? Подлинные намерения Горбачева?

Неосторожные слова самого Михаила Сергеевича, сказанные после путча: «Всей правды я вам все равно не скажу» – не прошли незамеченными. Сожженные женой письма только подкрепили подозрения тех, кто уверен: ему – или им обоим – есть что скрывать...

Раиса Максимовна, вероятно, оказала влияние на целое поколение первых леди. Хотя они и не должны следовать за мужьями на приличном отдалении – как прежде, на горьком опыте Раисы Горбачевой осознано, что равенства женщины и мужчины в мире все еще нет!

Первые леди старательно держатся подальше от политики. Знают, что иначе навлекут на себя критику и ухудшат позиции своих мужей. Твердят заученный текст:

– Люди голосуют за президента, а не за его жену, она всего лишь партнер. Роль первой леди состоит в том, чтобы создать мужу комфортные условия для жизни и работы.

Многие из них сами сделали успешную карьеру, но после избрания мужа главой государства вынуждены отказываться от любимого дела. Как правило, они берутся за более приличествующее жене президента дело – благотворительность. Не дай бог напугать избирателей, которые решат, что первая леди намерена затмить мужа и играть самостоятельную роль в политике. Первые леди знают свое место: быть заметными, но не производить впечатление амбициозных, быть близкими к власти, но не становиться властью.

Принято считать, что энергичная и активная женщина только вредит мужу-политику. Многим не нравилось, что первый и единственный президент СССР подчеркнуто интересовался мнением Раисы Максимовны, что она слишком часто оказывалась на первом плане, что она слишком самостоятельна.

Время для такой политически самостоятельной первой леди еще не пришло, ни в Соединенных Штатах, ни тем более в Европе. Но многие восхищаются Раисой Горбачевой – она была первой.

Раиса Максимовна – не единственная жена президента, которой не оставалось ничего иного, кроме как загнать боль и обиду в глубь сердца. Иногда им приходится сносить то, что другая женщина бы не стерпела. Каково было Хиллари Клинтон, когда весь мир обсуждал подробности сексуальных приключений ее мужа-президента? Жене президента Франции Франсуа Миттерана – Даниэль и вовсе пришлось смириться с тем, что у ее мужа параллельно была другая семья и об этом знала вся страна.

Может быть, поэтому жена президента Соединенных Штатов Мишель Обама вообще не следила за тем, что происходило в аппарате Белого дома. Она, напротив, желала освободить семейную жизнь от политики и была твердо намерена оставаться только женой. Мишель Обама – красивая крупная женщина, она не стесняется своей фигуры и знает, что большинству мужчин нравятся широкие бедра.

– Я часто говорю мужу – не рассказывай, что у тебя сегодня произошло, – признается Мишель Обама. – Я не хочу этого слышать, я хочу, чтобы дом был свободен от этого.

Раиса Горбачева была совсем другой: она хотела, чтобы муж рассказывал, чем он занят, о чем думает, к чему стремится! Она жила его жизнью. Каким долгим бы ни был день, когда

он возвращался домой, они вдвоем шли гулять. И пока бродили час-другой, обсуждали все, решительно все.

«Мы просто очень любим быть вдвоем, – объясняла Раиса Максимовна, – это наше любимое времяпровождение».

И это так. Немногие супружеские пары могут похвастаться тем, что им есть о чем поговорить и через тридцать, и через сорок лет после свадьбы.

Горбачеву нужно было не просто выговориться, но и поделиться мыслями и эмоциями с самым близким и самым понимающим его человеком. Только очень проницательные люди оценили роль, которую сыграла Раиса Максимовна в жизни Михаила Сергеевича, придавая ему силы действовать во взятом им режиме и с такой отдачей все годы его политической карьеры. Она была источником его силы и уверенности в себе.

Отчего же Раиса Горбачева, которая так много сделала для своего мужа, не заслужила доброго слова при жизни?

В советское время жены политиков были практически не известны. Они, как правило, появлялись только на устраиваемых государством похоронах своих мужей. Это изменила Раиса Горбачева.

– В мире положение, права и обязанности жены главы государства как-то очерчены, – делилась Раиса Максимовна с журналистами. – В России в отношении жен руководителей страны существовала одна традиция – отсутствие права на гласное, официальное существование. Жены главы государства как понятия вообще не было. Поэтому мое появление рядом с Горбачевым и восприняли как революцию.

25 сентября 1953 года Сокольническое районное бюро ЗАГСа Москвы зарегистрировало брак между уроженцем села Привольное Ставропольского края Михаилом Сергеевичем Горбачевым и уроженкой города Рубцовск Западно-Сибирской области Раисой Максимовной Титоренко.

На самом деле этот брак явно был заключен не в ЗАГСе, а на небесах. Они не клялись любить друг друга, пока смерть не разлучит их. Но получилось именно так. Они были вместе, пока Раиса Максимовна не ушла из жизни. Они любили друг друга. Им никогда не было скучно вместе.

«Если сначала была молодая страсть, – вспоминал Михаил Сергеевич, – то потом добавились сотрудничество, дружба, когда мы друг другу могли сказать все. Мы оказались единомышленники во взглядах на жизнь».

Но в основе была любовь. Самая настоящая. Они волновали друг друга как мужчина и женщина – и через десятилетия после заключения брака, когда многие пары сохраняются лишь в силу привычки.

«После заседания президиума, – рассказывала одна из руководителей Фонда культуры, – Раиса Максимовна позвонила Михаилу Сергеевичу. Заговорила с Михаилом Сергеевичем, и глаза у нее загорелись. В ту минуту мы ощутили атмосферу искренней любви, счастья, понимания, согласия, которые объединяли двух этих людей».

Школу в Стерлитамаке Раиса Титоренко – единственная в городе – закончила в 1949 году с золотой медалью, которая дала возможность поступить на философский факультет Московского университета без экзаменов. Получила койку в студенческом общежитии на Стромынке. Послевоенная жизнь была тяжелой и неустроенной.

– Возьмите дамские головные уборы, – распекал своих подчиненных тогдашний хозяин Москвы Никита Сергеевич Хрущев. – Мне дважды их приносили, выставку делали. Красивые шляпы, но сколько их делают? Что же, за хорошей шляпой женщина пошла и стала навеки калеккой? Она же не пробьется через очередь. Нам нужно много миллионов хороших шляп, чтобы всех московских женщин обеспечить и приехавших в командировку в Москву мужчин, чтобы они сделали достойный подарок от хорошего мужа своей жене.

Из-за отсутствия модной шляпки Раиса Титоренко не переживала. А вот теплой одежды не хватало: не было ни денег, ни возможности что-либо купить. Раиса тяжело заболела, попала в больницу. Врачи поставили диагноз – ревматизм – и запретили иметь детей. Но она все равно родит дочку.

На Раису обратил внимание друг Горбачева Володя Либерман – ему понравилось, как славно танцует третьекурсница с философского факультета. Михаил Сергеевич был на год старше, но на курс младше – из-за войны позже окончил школу. Рядом со вчерашней школьницей успевший поработать и получить орден Горбачев – уже взрослый и состоявшийся мужчина.

«Он был неотразимым красавцем, – признавалась Раиса Максимовна. – У его бабушки по материнской линии были прекрасные завораживающие черные глаза. Они и «достались» Михаилу Сергеевичу».

Горбачев сначала познакомился с одной профессорской дочкой, но вроде бы семья демонстрировала недовольство дружбой с «комбайнером». Возникла было еще какая-то красивая студентка, но тут появилась Раиса.

«На одной из фотографий, – рассказывала Раиса Максимовна, – я, восемнадцатилетняя, напомнила Михаилу Сергеевичу Захарку с картины Венецианова. И он стал меня так шутливо называть. Когда я приводила дочку, взрослые ее спрашивали: «Как тебя зовут, девочка?» – «Захареныш». – «Да?! А твою маму?» – «Захарка».

Ее первый роман тоже оказался неудачным и оставил шрам в душе. И вроде бы она в какой-то момент сказала Михаилу Сергеевичу:

– Знаешь, нам не надо встречаться. Мне было хорошо с тобой. Я снова вернулась к жизни. До этого тяжело перенесла разрыв с человеком, в которого верила. Я не вынесу еще раз подобное. Лучше прервать наши отношения сейчас, пока не поздно.

Но эти двое точно были рождены друг для друга. Тем не менее роман был долгим. Два года ходили по Москве, держась за ручку. Нравы были целомудренными, правила строгими: до свадьбы не целоваться.

«Я помню его неумную жизнерадостность, непосредственную детскую улыбку, – вспоминала Раиса Максимовна. – Времена послевоенные – начало пятидесятых – непростые, тревожные. Он поразил меня тем, что всегда имел свое собственное мнение и, главное, умел его отстаивать».

Я столкнулась тогда с человеческой непорядочностью, сплетнями, клеветой и убедилась, насколько не подвержен Михаил Сергеевич влиянию недобросовестных типов: он следовал своим представлениям о людях. Он держался очень по-взрослому, самостоятельно. Он был надежным человеком и остался таким».

Но характерно, что вокруг Михаила и Раисы образовался круг очень порядочных людей. На одной подруге Раисы женился выдающийся философ Мераб Константинович Мамардашвили, на другой – замечательный социолог Юрий Александрович Левада. Близким другом Горбачева был приехавший из Чехословакии Зденек Млынарж, будущий секретарь ЦК и один из героев «пражской весны».

– Я замуж вышла, когда поняла: а я ведь его люблю – рассказывала Раиса Максимовна.

– А когда вы это поняли? – поинтересовались журналисты.

– Тогда гремело дело «врачей-отравителей». Его друга Володю Либермана толпа выбросила из трамвая. И Горбачев единственный возмутился. Вот тут-то я все про себя и поняла. И эти свои достоинства – на все иметь свое мнение и не бояться его отстаивать, не испытывать неприязни и пренебрежения к людям, ценить друзей – он пронес через жизнь.

13 января 1953 года «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей». Так началось позорное «дело врачей». Это событие действительно приковало к себе внимание всего мира – в Советском Союзе происходило что-то чудовищное, чего мир

после сорок пятого года не видел. Настоящая антисемитская истерия. И немногие сохранили тогда здравость ума. Страну спасла смерть Сталина...

Лето 1953 года Горбачев провел на практике в родном Ставрополье. Постигал практическую юриспруденцию в районной прокуратуре. Писал любимой женщине:

«Как угнетает меня здешняя обстановка. И это особенно остро чувствую всякий раз, когда получаю письмо от тебя. Оно приносит столько хорошего, дорогого, близкого, понятного. И тем более сильнее чувствуешь отвратительность окружающего. Особенно – быта районной верхушки. Условности, субординация, предопределенность всякого исхода, чиновничья откровенная наглость, чванливость. Смотришь на какого-нибудь здешнего начальника – ничего выдающегося, кроме живота. А какой апломб, самоуверенность, снисходительно-покровительственный тон!»

Уже тогда была очевидна необходимость перемен, избавления от калечащей человека системы. Но до Горбачева никто на такие перемены не решится.

«Новый, 1954 год, мы, только поженившись, встречали в Колонном зале, – вспоминала Раиса Максимовна. – Пригласительные билеты нам дали в МГУ. Для меня это был самый счастливый день. Я помню платье, в котором была. Помню бесконечный вальс. Мы с Михаилом Сергеевичем танцевали, танцевали... И в какой-то момент вдруг оказалось, что мы вальсируем только с ним вдвоем, а все стоят вокруг и на нас смотрят. Нам было по двадцать лет, и это ощущение какого-то счастья необыкновенного запомнилось навсегда».

Оставив Москву, Горбачевы поехали к нему на родину. Он пошел по комсомольской линии. Это был тогда единственный кадровый лифт, суливший в случае удачи стремительное продвижение. Тут и проявилась необычность горбачевского семейства.

В той жизни политические решения принимались исключительно мужской компанией – большей частью в бане, на охоте, в дружеском застолье. Так что чем выше поднимался советский руководитель, тем меньшую роль в его жизни играла оттесненная от главных дел жена.

Дети, трудно устраиваемый быт, домашние заботы затягивали – и самая милая женщина быстро теряла привлекательность, блекла, переставала интересовать мужа в постели. Рано постаревших и располневших жен стеснялись. Интимная жизнь высокопоставленного чиновника или вовсе прекращалась, заменяясь горячительными напитками и чревоугодием, или же радость на скорую руку доставлял кто-то из подсобного персонала.

Другое дело Горбачевы. Страсть не утихала. В выпивке для поддержания хорошего настроения или расслабления он не нуждался. Откровенно гордился выделявшейся на общем фоне женой, хотел, чтобы она и выглядела лучше других.

– Могу показать десяток писем Михаила Сергеевича, – рассказывала Раиса Горбачева, – когда он, скажем, писал из Сочи, что купил мне туфли. Как только командировка в Москву или еще какая оказия, так составляется длинный список: книги, пальто, шторы, белье, туфли, колготки, кастрюли, лекарства...

В 1958 году Горбачев докладывал жене из Москвы с комсомольского съезда:

«Что купил, не буду говорить. Об одном жалею, что денег уже нет. Я подписал тебе Всемирную историю – 10 томов, Малую энциклопедию, философские произведения Плеханова».

Трогательные отношения. Необыкновенная заботливость. Привычка быть рядом.

«Выделяло Горбачева, – вспоминал президентский пресс-секретарь Андрей Серафимович Грачев, – особенно во время поездок по стране, постоянное присутствие рядом с ним на протокольных церемониях, а нередко и на деловых встречах Раисы Максимовны. Иногда на виду у окружающих и телекамер он машинально, явно по многолетней привычке, брал Раису за руку».

Ближайшая в ту пору подруга Раисы Максимовны, с которой потом разошлись, писала:

«Я думаю, что тысячи сплетен относительно Раисы Максимовны, кроме зависти, а иногда и ненависти, вызваны простым, наивным желанием людей верить в возможность существова-

ния хотя бы где-то совершенно сказочной, беззаботной, легкой жизни, в которой нет ни проблем, ни горьких разочарований, ни болезни, ни смерти близких людей».

В Ставрополе Раиса Горбачева несколько лет не могла найти работу, потом устроилась преподавать в сельскохозяйственном институте. С присущей ей целеустремленностью и внутренней дисциплиной взялась за диссертацию – «Формирование новых черт быта колхозного крестьянства (по материалам социологических исследований в Ставропольском крае)».

– Я бегала по дворам с анкетами, – рассказывала жена генерального секретаря. – То, что увидела, помню всю жизнь. И меня потрясло поколение деревенских женщин, оставшихся одинокими из-за войны. Каждый четвертый-пятый дом в селах Ставрополья – двор женщины-одиночки. Дом обездоленной женской судьбы... Женщины, не познавшие радости любви, счастья материнства. Женщины, одиноко доживающие свой век в старых разваливающихся домах...

Горбачев в тридцать девять лет стал руководителем крупнейшего региона.

«Ставрополь встретил жарой под сорок градусов и пылью, – вспоминал назначенный начальником краевого управления КГБ генерал Эдуард Болеславович Нордман. – Старый, уютный губернский город. В основном двух- и трехэтажные дома, зеленые улицы.

Михаил Сергеевич Горбачев производил хорошее впечатление. Молодой, энергичный, общительный... Дочь Ирина – умная, красивая девочка-старшеклассница, Раиса Максимовна – скромный преподаватель сельхозинститута. Жили без излишеств. По выходным выезжали на природу. Ходили пешком по двадцать и более километров. Бражничать не любили. Правда, по праздникам собирались у друзей...»

Потом Горбачева перевели в Москву – самый молодой секретарь ЦК, самый молодой член политбюро.

«Вышли погулять, – записала в дневнике Раиса Максимовна. – Завязался разговор о том, как рождаются лидеры, в какой мере это определяется личными качествами человека, а в какой – обстановкой, обстоятельствами. Любимая женщина, любящая жена могут сделать очень многое для мужчины. Но талант политика, как и вообще талант, – от Бога».

В Москве Горбачевым поначалу было неуютно. Советское общество было кастовым, как средневековая монархия.

«Все решала неписаная «табель о рангах», – описывала Раиса Максимовна впечатления от общения с членами семей тогдашнего советского руководства. – Первое, что поражало, – отчужденность. Тебя видели и как будто не замечали. При встрече даже взаимное приветствие было необязательным.

Поражало зеркальное отражение той субординации, которая существовала в самом руководстве. Я однажды выразила вслух недоумение поведением группы молодежи. Моей собеседнице стало плохо: «Вы что, – воскликнула она, – там же внуки Брежнева!»

Все изменилось в тот мартовский день 1985 года, когда Горбачев стал руководителем страны.

«Он серьезно относится к роли своей жены, – записал в дневнике его помощник Анатолий Сергеевич Черняев, – помимо того, что, видимо, по природе семьянин и она его устраивает во всех отношениях. Да и нам повезло, что у Первого интеллигентная жена – в эпоху, когда жены стали играть некоторую роль в международной жизни».

Теперь уже все искали расположения Раисы Максимовны. Все ждали, как она использует свое положение?

Семья академика Дмитрия Сергеевича Лихачева не на шутку перепугалась, когда к их даче в Комарово под Ленинградом подъехала черная машина и из нее вышел офицер в фуражке с синим околышем. Лихачев сидел в Соловецком лагере, политзэки ненавидели чекистские фуражки. Но это был всего лишь фельдъегерь, доставивший академику письмо от Раисы Максимовны Горбачевой. По ее предложению академик Лихачев стал главой Советского фонда культуры.

Один из самых заметных русских эмигрантов князь Васильчиков писал после ее смерти главному редактору журнала «Наше наследие» Владимиру Петровичу Енишерлову:

«Я познакомился с Раисой Максимовной, когда она была еще Первой дамой страны. Почему-то в России ее называют Первой леди на американский манер. Есть же русские слова... Что верно в этом определении – это Первая. Мы – русские – на Западе вздохнули с облегчением, когда увидели ее с Михаилом Сергеевичем – элегантную, светскую, умную... Такой и должна быть жена Президента великой России.

Нам очень понравилась и ее некричащая элегантность в отличие от «первых дам» советской эпохи. Ее слегка татарского типа красота и женственный шарм в сочетании с несомненным умом и образованностью произвели на всех нас впечатление. Она была явно незаурядной личностью. Именно это объясняло, почему наши вечно завидующие «русичи» о ней злословили. Хотя, очевидно, и она немного раздражала, «перебарщивала» со своими знаниями и уверенностью в себе. Общество еще не доросло до восприятия такой личности».

Но ее появление рядом с мужем сразу вызывало недовольство в обществе, где женщине отводилось строго определенное место.

– Никогда в его государственные или политические дела я не вмешивалась, – вынуждена была оправдываться Раиса Горбачева. – Считала лишь своим долгом поддержать, помочь. Мы с Михаилом Сергеевичем спорим, и очень часто по самым разным вопросам. Мы, как и все нормальные люди, обсуждаем, спорим, иногда ссоримся.

А с другой стороны – у кого же еще спросить совета, как не у жены? Особенно если она действительно самый близкий человек, которому бесконечно доверяешь?..

Горбачевым не хватало, пожалуй, элементарных осторожности и хитрости. Главным внешнеполитическим партнером Горбачева был президент Соединенных Штатов Рональд Рейган. Считалось, что его жена Нэнси политикой не интересуется. В реальности она оказывала огромное влияние на курс страны, потому что по ее слову президент без колебаний назначал и убирал людей. Рейган был без ума от своей жены и во всем к ней прислушивался.

«Многие члены администрации предпочитали рассказывать о своих заботах Нэнси, – вспоминал Рейган, – зная, что она мне все перескажет. Я считаю, что люди в целом изначально добры, и ожидаю от них лучшего. Нэнси тоже не отрицает этого в людях, но какой-то внутренний инстинкт предупреждает ее о пороках, если таковые имеются.

Нэнси относится к типу людей, которые готовы защищать свой мир. Если вам приходилось видеть медведицу, в ярости взметнувшуюся на задние лапы, готовую к сражению, если ее самцу или одному из медвежат угрожает опасность, то можете представить себе, как Нэнси относится к тем, кто, по ее мнению, может повредить ее близким или их предать».

Нэнси Рейган считала, что мир недооценивает ее замечательного мужа. Весь мир она наказать не могла, но в президентской администрации тот, кто не нравился Нэнси, быстро терял свой пост. Ночная кукушка дневную всегда перекукует.

– Не раз спрашивали у меня: легко ли быть женой президента и генерального секретаря ЦК КПСС? – вспоминала Раиса Горбачева. – Отвечаю: легче, чем быть президентом и генеральным секретарем.

А потом наступили годы, когда Горбачевым пришлось оправдываться. Список претензий бесконечен. Главное – почему, взявшись за перестройку, привел страну к развалу?

Добрых слов Горбачеву достается даже меньше, чем Ельцину. Потому что есть влиятельнейшие люди, которые своими высокими должностями и огромным богатством обязаны Борису Николаевичу. Соратники Горбачева лишились всего. Жизнь развалилась и стала невыносимой. Все рухнуло. Стало много хуже, чем было до перестройки.

«Стоит ли удивляться, – писал недавний вице-президент Российской академии наук Александр Дмитриевич Некипелов, – что Горбачев все еще остается в глазах многих соотечественников «главным отрицательным героем» всего периода трансформации нашего обще-

ства. Он «виноват» во всем, даже в том, что «выпустил нас на свободу». В сущности, на нем сконцентрировалась вся наша досада на самих себя за бестолково использованный исторический шанс».

Семьдесят лет советской власти отучили людей от самостоятельности. Все хотели перемен, но надеялись, что они произойдут сами по себе. Реформы сверху разбудили страсти, но не готовность что-то делать.

Никто не знал, что надо предпринять. И как. Пожалуй, в те годы никто не предполагал, что улучшить систему невозможно.

Но разве виноват тот властитель, который дает свободу и пытается исправить ошибки прошлого, а не тот, кто, не сознавая своего долга, держит страну в железном корсете и мешает ей развиваться? Недовольство копится, и первая же попытка смягчить режим, сбить обручи приводит к тому, что заряженная порохом бочка взрывается. Горбачев мог отложить эту катастрофу. Но не избежать. Слишком поздно! Сложившаяся в сталинские десятилетия административно-командная система реформированию не поддавалась.

«Для меня является загадкой, – пишет известный философ Александр Сергеевич Ципко, – когда очевидные достижения перестройки, то есть произошедшую в те годы реставрацию русской культуры и мысли, не видят люди, считающие себя патриотами, почитающие Россию».

Молодежи нелегко понять, «как трудно было человеку, наделенному от природы совестью и здравым смыслом, жить в советском обществе». Горбачев вернул право на историческую память, на правду о советской и русской истории, право увидеть мир своими глазами.

Думаю, правы те, кто перестройку и окончание холодной войны называют самым счастливым мгновением в нашей истории, – не считая, конечно, Дня Победы. Но на родине Михаилу Сергеевичу достались в основном проклятия.

Журналисты «Комсомольской правды» спрашивали Раису Максимовну:

– Вам, наверное, приходилось видеть Михаила Сергеевича отчаявшимся?

– Ни разу.

Оставшиеся верными Горбачеву интеллектуалы искренне ценят Михаила Сергеевича за то, что он сделал для страны и мира, – несмотря на его ошибки, промахи, неудачи. Горбачев – трагическая и выдающаяся фигура, честный человек и одаренный политик, который, принимая решения, не ставил во главу угла собственное политическое выживание. Если бы он думал о себе, то в любой момент мог сменить курс и пустить в ход силу. И по сей день оставался бы генеральным секретарем ЦК КПСС – здоровьем бог не обидел.

Демократия – не подарок, не самостоятельно действующий механизм, а форма политической культуры, которую следует развивать и поддерживать. От Февраля до Октября в 1917 году прошло слишком мало времени. От внезапно свалившейся свободы растерялись. Вертикаль власти рухнула, а привычки к самоорганизации не было. Она бы появилась, но не хватило времени.

И сейчас любят говорить, что Россия не готова к демократии, и в семнадцатом звучало то же самое. Ребенок рождается на свет не красавцем. Трудно в этом крохотном существе разглядеть будущую красавицу или олимпийского чемпиона. Но на этом основании не надо выплескивать с водой и ребенка. Ему надо вырасти. А демократия в России такого шанса не получила.

Михаил Сергеевич – большой мастер уговаривать, увещевать, убеждать и привлекать на свою сторону. Но есть задачи превыше человеческих сил. Не изменишь в одночасье то, что закладывалось десятилетиями, если не столетиями...

Горбачев – человек без комплексов, без внутренней обиды на весь мир. Михаил Сергеевич – в отличие от своих предшественников – не видел в оппоненте врага, которого следует

немедленно уничтожить. В этом его отличие от советской традиции. Михаил Сергеевич не испытывал желание ломать людей через колено. Если вдуматься, именно за это его и упрекают.

Раиса Максимовна рассказывала о дочери:

«Во втором классе Иришка писала сочинение «За что я люблю свою маму?» Оказалось, что главное – за то, что «мама не боится волков».

Волк не так опасен, как человек. Августовский путч, который окончательно разрушил единый Советский Союз, стал роковым для Раисы Горбачевой. Запертая в Форосе, она ждала худшего. Десять лет спустя Михаил Сергеевич рассказывал журналистам:

– Раиса Максимовна ударилась в панику. Хотела меня спрятать, боялась, что сделают инвалидом и покажут всему миру, что я действительно болен. Павлов же говорил, мол, Горбачев лежит в кровати, недееспособен и мурлыкает нечто невнятное. А довести до такого состояния пара пустяков: мужики навалились, вогнали что-то – и готово.

«Я стараюсь стереть из памяти некоторые особенно тягостные воспоминания, – говорит дочь Горбачевых Ирина. – И мне это удается. Так спокойнее жить. Наверное, это защита от пережитого стресса. Мой способ выжить.

У мамы, по-моему, это не получалось... Только за то, что она открыто была рядом со своим мужем, мама расплатилась здоровьем».

– Все в жизни она принимала близко к сердцу, – сокрушался Горбачев, – и глубоко переживала, была человеком очень ранимым, особенно угнетали ее несправедливость, напраслина. Самым тяжелым было предательство людей, с которыми ее связывали многие годы совместной жизни и работы. Она часто повторяла, что нашей семье пришлось пережить не одну моральную Голгофу.

В июле 1999 года в Институте гематологии Раисе Горбачевой диагностировали лейкоз. Неизлечимая болезнь убила ее за несколько месяцев. 20 сентября 1999 года ее не стало. Ельцин послал за ее телом самолет из правительственного авиаотряда. Вражда двух президентов осталась в прошлом, делить больше нечего и незачем. Возможно, Ельцин понял, что все в жизни преходяще и перед лицом смерти уже ничто не имеет значения.

Так что же было в письмах, сожженных женой советского президента в августе 1991 года, после путча? Вовсе не то, что все подозревали. Ни номеров банковских счетов, ни тайных политических помыслов. Раиса Максимовна была крайне щепетильна: хранила даже квитанции на оплату продовольственных заказов из крайкомовской столовой. В роли президентской жены все подарки сдавала в казну. Вообще по характеру была максималисткой.

Она сожгла личные, интимные, любовные письма:

«Строчки нашей жизни, нашей судьбы. Они написаны мне и принадлежат только мне. Я не хочу, чтобы чужие, недобрые руки когда-либо прикоснулись к этим листочкам. Не хочу, чтобы кто-то издевался над дорогими для меня словами, мыслями и чувствами».

Вот, что было главным для этой пары, – не власть и не материальные ценности. И эти свидетельства любви не предназначались для чужих глаз.

«В жизни нашей всякое бывало, – откровенно делилась Раиса Максимовна. – Были и соперницы, и соперники. Помню, как было больно. Но самый правильный путь – прояснить ситуацию. Не выяснять отношения, а найти в себе силы понять другого. Мы поговорили, и я каким-то десятым чутьем поняла: я ему дороже других».

Податливые и готовые к услугам стюардессы с пышными фигурами (как Брежнева) или нетребовательные и восторженные юные стажерки (как Клинтона) Михаила Сергеевича в принципе не интересовали. Не мельчил. Судя по Раисе Максимовне, Горбачеву нравились умные, решительные и властные женщины. С одной из них он познакомился в 1984 году в Лондоне. С разрешения политбюро мужа в поездке сопровождала Раиса Максимовна.

Дома она услышала:

– Почему это вас в Лондоне так расхвалили? Вы не думаете, что это все означает? Чем это вы так привлекли Запад? Ну-ка, ну-ка, давайте-ка мы на вас посмотрим поближе.

В Лондоне Горбачев познакомился с премьер-министром Маргарет Тэтчер. После успешной войны за Фолклендские острова она была в зените славы. Но Горбачев произвел на нее впечатление. Провожая его в аэропорту, Маргарет Тэтчер – в холодный день – стояла на взлетном поле без пальто, в черном костюме и туфлях. Когда лайнер с советским лидером поднялся в воздух, премьер-министр зашла в офицерский бар:

– Черт возьми, заоченела, дайте водки.

Летчики предложили виски.

– Ну уж нет, если Горбачева принимали, то выпьем водки! – отрезала премьер-министр. И решительно опрокинула стопку – одним махом, по-русски.

Столь же необычная для профессионального политика человеческая нотка, свидетельствующая об особом отношении к Горбачеву, прорвалась у Маргарет Тэтчер 19 августа 1991 года, в первый день путча, когда в сообщении ГКЧП прозвучало, что Горбачев не способен исполнять свои обязанности по состоянию здоровья. Она позвонила советскому послу в Лондоне Леониду Митрофановичу Замятину:

– Нам с вами надо садиться в самолет, брать врачей, лететь в Москву. Горбачев болен! Ему нужна помощь.

Из всех политиков, озабоченно изучавших в тот день поступающую из Москвы обескураживающую информацию, одна Тэтчер была искренне обеспокоена не политическим положением президента Горбачева, а его здоровьем.

Внешняя канва их взаимоотношений известна. Тэтчер открыла Горбачева для Запада. Сразу поверила в его искренность, поддержала перестройку и вообще создала некую особую ауру вокруг Михаила Сергеевича. Помогла ему установить отношения с прислушивавшимся к ней президентом Соединенных Штатов Рональдом Рейганом, когда двое мужчин не знали, как заговорить друг с другом.

Почему Тэтчер так заботилась о Горбачеве? И почему он так любил беседовать с Маргарет? Чисто политический расчет? Они спорили жестко и непримиримо, но друг на друга не обижались. Охотно советовались, но на излишние уступки не шли. И все же, когда Горбачев и Тэтчер встречались, между ними явно пробегала какая-то искра. Это не укрылось от чужих глаз и породило массу слухов и предположений.

– Я обнаружила, что он мне нравится, – признавалась Тэтчер.

В любом случае у них было немного возможностей проявить свои искренние чувства. Так называемые встречи с глазу на глаз все равно происходили в присутствии переводчиков, дословно записывались и потом тщательно изучались. Да и они оба вели жизнь, которую можно бы считать образцом супружеской верности. Но одновременно они – люди, сжигаемые страстью.

Правда, это страсть другого толка – страсть к власти и переменам. Вот в этом они были близки! Они люди сходного темперамента. И окидывая внимательным взглядом окружающих в поисках равных себе, они приметили друг друга. В те годы они на голову, а то и на две возвышались над всеми остальными политиками.

При всей колоссальной разнице в происхождении Горбачев и Тэтчер очень похожи. Они начинали свою политическую карьеру под аплодисменты и закончили почти под проклятия. Они почитаемы за границей и не любимы дома. Но они оставили след в истории.

А в частной жизни у Тэтчер был один мужчина. И одна женщина у Горбачева.

– Он – моя жизнь, – говорила Раиса Максимовна о муже.

– Она мне преданна, а я – ей, – словно отвечал Михаил Сергеевич. – И лучше всего нам всегда было вдвоем.

В Лондоне Маргарет Тэтчер подарила жене Горбачева первое издание знаменитого романа Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия». Это ироническая и разоблачительная история нравов – и не только британских. Когда Раиса Максимовна перечитывала Теккерея, ей не могло не броситься в глаза, какой горькой фразой заканчивается роман: «Кто из нас счастлив в этом мире?»

Часть вторая

Немки в эпоху кровавых соблазнов

С началом XX века женщины стали жить дольше, чем мужчины. Медицина позволила избежать тяжких осложнений при родах. Сокращение детской смертности означало, что можно иметь столько детей, сколько захочется. Этому способствовало появление контрацептивных средств и более безопасной техники аборт. Это, в свою очередь, открыло перед женщинами возможность делать карьеру, заниматься чем-то помимо детей и дома. Бурное развитие экономики, появление машин и станков понизило спрос на грубую физическую силу, и появились рабочие места для женщин.

Большевистская Россия законодательно освободила женщину, Америка благодаря влиянию кинематографа и музыки раскрепостила ее культурно. Новая женщина – курит, ездит на машине, носит шелковые чулки или теннисную юбочку, ее можно увидеть в баре или на спортивной площадке. После Первой мировой войны число разводов увеличилось вдвое. Появление одиноких, самостоятельных женщин, которые шли на работу и зарабатывали себе на жизнь, создало в консервативных и церковных кругах ощущение кризиса семьи, тем более что детей заводили меньше, чем до войны.

Но мужчины по-прежнему пребывали в уверенности, что у женщины другая психология и иначе устроены мозги, словом, женщины менее развиты, чем мужчины. Они желали возвращения к прежней жизни: девушка получает образование и навыки, необходимые для исполнения роли жены и матери. Она может работать, но только до вступления в брак, когда она начинает заниматься исключительно обслуживанием семьи и домашней работой.

Гражданский кодекс, принятый в Германии в 1900 году, требовал от жены вести домашнее хозяйство и позволял мужу запретить ей работать вне дома. Кодекс также наделял отцов единоличным правом определять, сколько и чему учиться их детям. Поэтому девушкам не давали высшего образования; зачем им диплом, если они все равно выйдут замуж? Веймарская конституция обещала равные права на получение образования, но традиции были сильнее.

Идеальная любовница. Ева Браун

Она обожала сниматься – одетой и раздетой. Она была эксгибиционисткой. Она жаждала поклонения и восторгов. Она флиртовала с камерой. Объектив заменил ей толпы, которые должны были ее восторженно приветствовать.

Четырнадцать лет она была любовницей Адольфа Гитлера, но фюрер так успешно скрывал ее от чужих глаз, что даже в его окружении мало кто понимал ее истинную роль. Для всей страны ее существование было секретом. Иностранные разведки считали ее всего лишь одной из секретарш Гитлера.

Она часами рассматривала свои снимки – эти фотографии были единственным доказательством того, что она реально существует. Особенно много она снималась накануне дня рождения фюрера.

Что она могла подарить человеку, которому принадлежала вся страна? Она дарила себя – вновь и вновь. Для таких фотографий Ева позировала в белом, словно подвенечном, платье. Это был осознанный или неосознанный намек. Полтора десятилетия она мечтала стать замужней дамой, получить право называться фрау Гитлер. Ее мечта сбудется. Она станет фрау Гитлер – за тридцать шесть часов до смерти...

Роман их начался в студии мюнхенского фотографа Генриха Хофмана. Он рано оценил большое будущее Адольфа Гитлера, вступил в партию в 1920 году и получил монопольное право снимать фюрера.

Хофман понял, чего желает Гитлер, и снимал его исключительно в героических позах. За двадцать лет он сделал два с половиной миллиона фотографий Гитлера. Открытки с его портретами расходились огромными тиражами. Через десять лет Хофман уже был миллионером, еще через десять лет – мультимиллионером. Его дом в пригороде Мюнхена стал желанным прибежищем для фюрера, где тот мог расслабиться.

Адольф Гитлер проводил у Хофмана так много времени, что вилла фотографа могла считаться его вторым домом. В хорошую погоду в саду пили кофе с пирожными. Если было тепло, Гитлер сбрасывал пиджак и располагался на траве.

Дочь Хофмана Хенриетту фюрер называл Хенни или ласково – «солнышко». Она ему нравилась. Тщеславный Хофман одно время рассчитывал, что Гитлер захочет на ней жениться. Но Гитлер вовсе не собирался жениться или даже заводить роман с умной девушкой. А дочь Хофмана была и красивой, и умной.

В студии Хофмана в октябре 1929 года Гитлер и заметил неопытную продавщицу со свежим и хорошеньким личиком. Ее звали Ева Браун.

Закончив школу, Ева объявила родителям, что намерена сама зарабатывать себе на жизнь. Отец отправил ее на курсы машинисток-стенографисток, потом предложил попробовать себя в роли медсестры. Ни то ни другое ей не понравилось. Она выбрала магазин-студию Хофмана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.